МУХТАР МАИ

ОБЕСЧЕЩЕННАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ей было 30 лет, когда группа подонков-односельчан из враждебного клана изнасиловала ее на глазах у толпы из 200 человек. И никто не посмел сказать слова поперек, потому что изуверы таким образом якобы вершили «праведный» суд в строгом соответствии с традициями пакистанской общины.

После такого унижения женщина, по обычаю, обязана покончить с собой, чтобы избежать позора. Но у Мухтар Маи хватило силы воли и мужества, чтобы пойти наперекор замшелым правилам и традициям. Она не покончила с собой, а начала нелегкую борьбу за справедливость.

Правдивая история Мухтар Маи легла в основу этой откровенной и страстной исповеди. Ее книга вышла в свет на 27 языках мира. А популярный женский журнал Glamour на своей шестнадцатой церемонии, награждая женщин года, вручил Мухтар премию в номинации «Самая смелая женщина».

- Мухтар Маи
  - Долгая дорога
  - Судья не такой, как другие
  - Прерванное молчание
  - Судьба
  - А в Мирвале время течет своим чередом
  - Бесчестье
  - Слезы Каузар
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Мухтар Маи
Обесчещенная

Долгая дорога

Семейное решение было принято ночью 22 июня 2002 года.

Мне, Мухтаран Биби из деревни Мирвала, принадлежащей к касте крестьян гуджар, выпало предстать перед кланом могущественных и воинственных фермеров из высшей касты мастои. Мне надо было попросить у них прощения от имени моей семьи.

Попросить прощения за моего младшего брата Шаккура. Мастои обвинили его в том, что он «заговорил» с одной из девушек их клана — Сальмой. Шаккуру двенадцать лет, а Сальме уже за двадцать. Мы знали, что он ничего плохого не сделал, но, если мастои решили, мы, гуджар, должны подчиниться. Так было испокон веку.

Мой отец и дядя сказали мне:

— Наш мулла Абдул Раззак не знает, что делать. В совете деревни мастои более многочисленные. Они отказываются от всякого примирения. Они вооружены. Твой дядя по матери и один из друзей мастои — Рамзан Пашар — пытались всеми силами успокоить членов джирги[1]. У нас остался последний шанс: надо, чтобы одна из женщин гуджар попросила прощения у их клана. Из всех женщин нашей семьи мы выбрали тебя.

— Почему меня?

— Твой муж дал тебе развод, у тебя нет детей, ты одна в том возрасте, когда можешь иметь ребенка, ты учишь других Корану, тебя уважают.

Уже давно наступила ночь, а я все еще не знала подробностей этого тяжелого конфликта. Только мужчинам, собравшимся на заседание джирги несколько часов назад, было известно, почему я должна предстать перед их судом и просить прощения.

Шаккур исчез в полдень. Мы знали только, что он тогда находился на пшеничном поле недалеко от дома, а вечером его забрали в комиссариат в пяти километрах от деревни. От отца я услышала, что Шаккура избили.

— Мы видели твоего брата, — сказал он, — когда полицейские уводили его из дома мастои. Он был весь в крови, одежда разорвана. Они надели на него наручники и увезли, и я даже не мог с ним поговорить. Я искал его повсюду, и один человек, который обрезал ветви с пальмы, сказал мне, что видел, как его схватили мастои. В деревне говорят, что последние обвинения были в том, что он якобы украл у них на поле сахарный тростник.

Для мастои подобные репрессии обычны. Эти люди жестоки, глава их клана обладает властью, знает многих влиятельных людей. Никто из моей семьи не посмел бы зайти к ним. Они же способны вломиться в любой дом, потрясая ружьями, неся разрушение, опустошение и насилие. Клан гуджар занимает более низкое положение и должен в принципе подчиняться воле мастои.

Мулла был единственным, кто, пользуясь своим религиозным статусом, пытался добиться освобождения моего брата. Но безуспешно. Тогда мой отец пошел жаловаться в полицию. Гордые мастои, уязвленные тем, что крестьянин гуджар осмелился идти против них и направил полицию к ним в дом, изменили свои обвинения. Они сказали полицейским, что Шаккур изнасиловал Сальму и они отдадут его только при условии, что его заберут в тюрьму. Они добавили: если его отпустят из тюрьмы, то полиция должна им его вернуть. Они обвинили его в *зина*. «Зина» в Пакистане — одновременно грех изнасилования, супружеской измены или сексуальных отношений вне брака. По законам шариата Шаккуру грозила смерть. Полиция поместила его в тюрьму, потому что его обвинили, а также чтобы уберечь от расправы мастои, которые требовали права судить его по-своему.

Вся деревня была в курсе событий, начиная с полудня, и в целях безопасности мой отец увел женщин семьи к соседям. Мы знали, что месть мастои всегда направлена на женщин низшей касты. Именно женщина должна была униженно просить прощения перед всеми мужчинами деревни, собравшимися на заседание джирги перед фермой мастои.

Я знала эту ферму, она находилась примерно в трехстах метрах от нашей. Мощные стены, терраса, с которой они обозревали окрестности, словно были хозяевами земли.

— Мухтаран, собирайся и следуй за нами.

В ту ночь я не знала, что дорога, ведущая от нашей небольшой фермы к богатому дому мастои, навсегда изменит мою жизнь. Согласно судьбе, эта дорога будет короткой или длинной. Короткой, если мужчины клана примут мои извинения. И все-таки я верила в это.

Я встала, взяла Коран и прижала его к груди, чтобы он помог мне выполнить мою миссию. Он будет служить мне защитой.

Мне становилось страшно.

Выбор моего отца был единственно возможным. Мне двадцать восемь лет, я не умею ни читать, ни писать, поскольку в деревне нет школы для девочек, но я выучила Коран наизусть и с тех пор, как развелась с мужем, на общественных началах учу Корану детей из моей деревни. Именно за это меня уважают.

Именно в этом моя сила.

Я шагаю по дороге в сопровождении моего отца, дяди и Гулямнаби, одного из наших друзей из другой касты, выступавшего в роли посредника во время разбирательства дела на джирге. Они боятся за мою безопасность. Дядя был в нерешительности, идти ли ему с нами. И все же я шагаю по этой дороге с какой-то детской наивностью. Ведь лично я не совершила никакого правонарушения. Я верующая и с момента развода живу в своей семье, вдали от мужчин, как будто это мой долг — жить вот так, в мире и спокойствии. Ни один человек не сказал обо мне дурного слова, хотя о других женщинах судачили не так уж редко. Например, Сальма была известна своим агрессивным поведением. Эта девушка говорит громким, резким голосом и при этом много жестикулирует. Она выходит из дома, когда ей угодно, и идет, куда ей заблагорассудится. Возможно, мастои захотели воспользоваться невинностью моего младшего брата, чтобы покрыть какие-то ее прегрешения. Во всяком случае, мастои принимают решение, а гуджар подчиняются.

Июньская ночь все еще пышет дневным жаром, птицы спят, козы тоже. Только собака залаяла где-то вдалеке, нарушая сопровождающую меня тишину; постепенно тишина все более наполняется звуками. Я иду вперед, и до меня доносятся сердитые голоса мужчин. Теперь я различаю фигуры при свете единственного фонаря, освещающего вход в дом мастои. Их более сотни, может быть, сто пятьдесят, собравшихся рядом с мечетью, и большинство из них из клана мастои. Именно они составляют большинство в джирге. Даже мулла не может ничего предпринять против них, хотя и представляет всех жителей деревни. Я ищу его в толпе, но не нахожу, его нет здесь.

В тот момент я еще не знала, что некоторые члены джирги, не согласные с мастои по поводу урегулирования этого спора, просто покинули собрание, оставив их хозяевами положения.

Я вижу перед собой главу клана Фаиза Хуссейна, а также его четверых братьев — Абдул Халика, Гулам Фарида, Алла Дита и Файяза. Все пятеро вооружены ружьями и пистолетами, которые тотчас же направили на моих сопровождающих. Они потрясают оружием, чтобы запугать их и заставить убежать, но отец и дядя не двинулись с места. Сохраняя уважение к Фаизу, они остались стоять позади меня.

Люди мастои сгрудились за ними. Стена возбужденных, угрожающих, ждущих развязки людей.

На мне была шаль, которую я расстелила у их ног в знак почтения. Я прочитала по памяти стих из Корана, положив руку

на священную книгу. Все, что я знаю из писаний, я полностью выучила на слух, и возможно, что я знаю священные тексты лучше, чем большинство этих жестоких мужчин, смотрящих на меня с презрением. Сейчас мне предстояло произнести слова извинения, чтобы запятнанная честь мастои обрела прежнюю чистоту. Пенджаб, который называют «Страной пяти рек», носит также имя «Страны Чистых». Вот только кто эти чистые?

Я с тревогой глядела на ружья и злобные лица. Особенно страшен был Фаиз, главарь их банды, высокий и сильный, с помповым ружьем наперевес. Его бешеные глаза, полные ненависти, уставились на меня в упор. Я понимала, что в социальном плане принадлежу к низшей касте, но в то же время я испытывала гордость за свой клан гуджар. Наше сообщество мелких, небогатых крестьян имеет многовековую историю, и, хотя я не знала ее досконально, я чувствовала, что она — часть меня, моей крови. Прощение, которое я должна была просить у этих злодеев, — лишь формальность, не затрагивающая мою личную честь. Я говорила, опустив глаза, и старалась возвысить свой голос, чтобы перекрыть глухой ропот разгневанных мужчин.

— Если есть вина, допущенная моим братом, я прошу за него прощения и прошу вас о его освобождении.

Мой голос не дрожал. Подняв глаза, я ждала ответа, но Фаиз не говорил ничего, лишь презрительно качал головой. Повисла тишина. Я стала молиться про себя, и вдруг меня пронзил, словно молния, острый страх, парализовавший тело электрическим разрядом.

Я увидела в глазах этого человека, что у него никогда и не было намерения принять мое извинение. Он хотел женщину гуджар, чтобы совершить свою месть перед всей деревней. Эти люди обманули собрание, хотя сами составляли большинство в джирге, обманули муллу, моего отца и всю нашу семью. Впервые члены совета разрешили групповое изнасилование, чтобы восстановить, как они это называли, «правосудие чести».

Фаиз обратился к братьям, с нетерпением ждущим, как и он, исполнения этого правосудия, утверждения их власти путем демонстрации силы.

— Вот, она здесь! Делайте с ней что хотите!

Я в самом деле была здесь, но это уже была не я. Парализованное тело на подгибающихся ногах больше мне не принадлежало. Я почти потеряла сознание и чуть не упала, но мне не дали упасть, меня поволокли силой, как козу на бойню. Мужские руки хватали меня за руки, за волосы, тянули за одежду. Я кричала:

— Во имя Корана, отпустите меня! Во имя Аллаха, оставьте

меня!

Из внешней ночи я попала во внутреннюю, в какое-то помещение, в котором различала четверых мужчин лишь при свете луны, проникающем сквозь крошечное окошко. Четыре стены и дверь, перед которой вырисовывалась фигура с оружием.

Никакого выхода. Никакая мольба не подействует.

Именно здесь они совершили надо мной насилие, на земляном полу, в пустом хлеву. Их было четверо. Я не знаю, сколько длилась эта позорная пытка. Один час или всю ночь.

Я, Мухтаран Биби, старшая дочь моего отца Гулям Фарида, потеряла осознание самой себя, но никогда в жизни я не забуду лиц насильников. Для них женщина является предметом обладания, чести или мести. Они берут в жены или насилуют, в зависимости от их понятия племенной гордости. Они знают, что у женщины, пережившей подобное унижение, только один выход — самоубийство. Им даже не надо применять оружие. Ее убивает насилие. Изнасилование — вот самое страшное оружие. Оно служит тому, чтобы окончательно унизить другой клан.

Они меня даже не избили, в любом случае я полностью зависела от их милости. Мои родственники находились под направленным на них оружием, а мой брат был в тюрьме. Я должна была подчиниться, и я подчинилась.

Потом они вытолкнули меня за дверь, полуодетую, перед всей деревней, которая томилась в ожидании. Деревянная дверь с двойными створками на этот раз закрылась за ними. Я была наедине со своим позором, на виду у всех. У меня нет слов, чтобы описать, что я представляла собою в тот момент. Я больше не могла думать, в мозгу был сплошной туман. Картины мучений и позорного унижения скрылись за пеленой плотного тумана, и я шла, сгорбившись как старуха, накрыв шалью лицо — единственное оставшееся мне достоинство. Я шла, сама не зная, куда иду, но инстинктивно ноги несли меня к родительскому дому. Я шла по дороге словно привидение, не осознавая, что поодаль за мной следом идут мой отец, дядя и их друг Рамзан. Все это время они стояли под нацеленными на них ружьями, и только сейчас мастои их отпустили.

Перед домом плакала моя мать. Я прошла перед ней, ничего не соображая, не в силах вымолвить ни слова. Другие женщины молча шли рядом со мной. Я вошла в одну из трех комнат, предназначенных для женщин, и бросилась на кровать из плетеной соломы. Кто-то накинул на меня одеяло, и я больше не шевелилась. Только что моя жизнь обрушилась в такой ужас, что

тело и рассудок отказывались поверить в произошедшее. Я не знала, что возможна подобная жестокость. Я была наивной, привыкшей жить под защитой отца и старшего брата, как и все женщины в нашей провинции.

Меня выдали замуж в восемнадцать лет за человека, которого я не знала, ленивого и ни к чему не способного, и довольно скоро, под нажимом моего отца, я получила развод. Я жила затворницей в своем собственном мире, не выходящем за пределы деревни. Как и все прочие женщины, я была неграмотной, моя жизнь состояла из двух простых занятий, не считая работы по дому. Я бесплатно учила детей Корану, так же точно, как выучила его сама — на слух. И, дабы участвовать в скромных доходах моей семьи, за небольшую плату учила женщин тому, что умела лучше всего, — вышиванию. С рассвета до захода солнца моя жизнь проходила на территории небольшой отцовской фермы, состояла из ежедневных забот и подчинялась периодам муссонных дождей. Не считая того, что на время моего краткого замужества меня увели в другой дом, я не знала иного существования, и точно так жили все другие женщины из моего окружения. Судьба выбила меня из обычного течения жизни, и я не понимала причины, из-за которой получила свою кару. Я просто ощущала себя умершей. Неспособной думать и преодолеть неизвестное доселе страдание, столь огромное, что оно меня парализовало.

Вокруг меня все женщины плакали. Я чувствовала их ладони на своей голове и плечах, они разделяли мои страдания. Младшие сестры рыдали в голос, но я лежала неподвижно и была безучастной, как будто это несчастье не касалось меня и не имело последствий для всей моей семьи. В течение трех дней я не выходила из комнаты, разве только ради естественных надобностей. Не ела, не плакала, не разговаривала. Я слышала, как мать говорила:

— Надо забыть об этом, Мухтаран. Все прошло. Полиция отпустит твоего брата.

Но я слышала и другие разговоры. Одна женщина из деревни заявила:

— Шаккур виновен, он снасильничал над Сальмой...

Другая утверждала:

— Мухтаран должна была выйти замуж за мастои, как говорил мулла, а Шаккур должен был взять в жены Сальму. А Мухтаран не захотела. Это все из-за нее...

Слухи летали по деревне, как черные вороны и белые голуби, в зависимости от того, кто что говорил. Постепенно я стала понимать, откуда это все шло.

Разбирательство дела на джирге, которое обычно проводилось в доме муллы Абдул Раззака, на этот раз происходило прямо на улице, посреди деревни. Этот традиционный племенной совет, собирающийся помимо любого официального судопроизводства, призван служить посредником между жалобщиками с обеих сторон, в принципе, в интересах каждого. В деревнях люди предпочитают обратиться в джиргу, потому что официальная юстиция слишком дорога. Приходится оплачивать услуги адвоката, что большинству крестьян не по карману. Я не знала, почему в случае с моим братом, обвиненным в изнасиловании, никакое посредничество джирги не оказалось возможным. Мои отец и дядя почти ничего мне не рассказывали — женщины обычно очень редко бывают посвящены в курс принимаемых мужчинами решений. Но постепенно, благодаря доходившим до меня слухам, бродившим по деревне, я начала понимать причину моего наказания.

Шаккур был застигнут в момент флирта с Сальмой. По другим сведениям, он украл несколько стеблей сахарного тростника у них на поле. Такова, во всяком случае, версия мастои, которую они выдвинули изначально. Обвинив в воровстве, люди мастои похитили моего брата, избили и подвергли содомии, чтобы унизить и оскорбить его. Шаккур рассказал, что произошло, но гораздо позже и только нашему отцу. Он пытался сбежать несколько раз, но каждый раз его ловили и возвращали.

Затем, чтобы скрыть факт насилия над моим братом от джирги, они придумали новую версию, согласно которой Шаккур имел сексуальные отношения с Сальмой, предположительно девственницей. Страшное преступление. Девушкам запрещено разговаривать с парнями. Если женщина встречает на дороге мужчину, она должна опустить глаза и никогда, ни под каким предлогом, не обращаться к нему.

Когда я видела, как Шаккур проходит по двору, я никак не могла представить что-либо подобное. Подросток двенадцати лет, может быть, тринадцати — у нас возраст человека известен только со слов матери или отца: «В этом году тебе исполняется пять лет, десять, двадцать лет...»; дата рождения неизвестна и нигде не записана. Мой брат был худым и маленьким, совсем еще ребенком, и не мог иметь никаких отношений ни с какой девушкой.

Сальма же была взрослой двадцатилетней женщиной, довольно развязной. Возможно, она сама спровоцировала его, в своей обычной манере, и он виноват только в том, что встретил ее

на краю кукурузного поля мастои. Кто-то в деревне говорил, что Шаккур заигрывал с Сальмой — по крайней мере, разговаривал с ней, — другие утверждали, что они были застигнуты сидящими бок о бок и держащимися за руки... Истина растворяется в прахе слов тех и других, в зависимости от того, к какому клану они принадлежат.

Я лишь уверена, что Шаккур не сделал ничего плохого.

Он рассказал отцу о тех мучениях, которым его подвергли, и они могут сравниться только с перенесенными мною.

Почти неделю все это бесконечно прокручивалось у меня в голове — почему он и почему я? Их семья просто-напросто хотела уничтожить нашу.

Я также слышала, что первое предложение о примирении было сделано мастои от имени муллы Абдул Раззака. По его словам, мудрость требовала: чтобы успокоить горячие головы и избежать вечной смертельной вражды между двумя кланами, Шаккур будет отдан в мужья Сальме, а старшая дочь гуджар, то есть я, взамен будет отдана замуж за кого-либо из семьи мастои. Некоторые утверждали, что я отказалась, а следовательно, виновата в том, что со мной произошло, потому что примирения не получилось. В то же время другие члены совета утверждали, что сам глава мастои отверг этот мезальянс. Он якобы даже кричал:

— Я весь дом им разнесу! Перебью всю скотину и изнасилую женщин!

Тогда мулла покинул совет, не имея больше других предложений. В конце концов Рамзан, не принадлежащий ни к касте мастои, ни к нашей, убедил моего отца и дядю попытаться достичь примирения другим путем: попросить прощения. Послать уважаемую женщину моего возраста, чтобы совершить акт покорности перед этими злодеями. Получить прощение от мастои, чтобы они отозвали свое обвинение и чтобы полиция освободила моего брата. Вот потому-то я отправилась с полным доверием, согласившись предстать перед лицом этих варваров, и никто не мог вообразить, что я стану жертвой этой самой последней попытки примирения.

Однако Шаккур все еще оставался в заключении после того, как насильники вышвырнули меня прочь. Той же ночью один из моих двоюродных братьев пошел к Фаизу, главе клана мастои.

— Что вы сделали, то сделали. Теперь освободите Шаккура.

— Иди в комиссариат, я с ними потом поговорю.

Двоюродный брат отправился в комиссариат.

— Я говорил с Фаизом, он сказал освободить мальчика.

Полицейский снял трубку телефона и позвонил Фаизу, словно тот был его начальником.

— Тут кое-кто пришел к нам и говорит, что ты согласен, чтобы Шаккура освободили...

— Пусть сначала заплатит за его освобождение. Возьми деньги, а потом отпусти его.

Полиция запросила двенадцать тысяч рупий, громадную для семьи сумму. Три или четыре месячных заработка рабочего. Мой отец и дядя обошли родственников и соседей, чтобы собрать ее, и вернулись в полицию, чтобы отдать деньги. Около часа ночи в конце концов мой брат был освобожден.

Но он по-прежнему находился в опасности. Ненависть так просто не проходит. Мастои пойдут до конца в своих обвинениях, они не могут отступить, не потеряв лицо и честь, — и ни один мастои никогда не сдается. Они там, в своем доме, глава семьи и его братья, там, за полем сахарного тростника. Совсем рядом. Они одержали победу надо мной и моим братом, но война не закончилась. У всех мужчин мастои есть оружие, они принадлежат к касте воинов. У нас же только дрова, чтобы зажечь огонь, и у нас нет никого, кто бы встал на нашу защиту.

Я хотела покончить с собой, я приняла решение. В таких случаях, как мой, женщины поступают именно так. Я хотела выпить кислоту и умереть, чтобы окончательно погасить огонь позора, нависший надо мной и моей семьей. Я умоляла мать помочь мне умереть. Просила ее пойти и купить мне кислоты, чтобы моя жизнь, наконец, оборвалась, потому что в глазах других людей я уже и так была мертвой. Моя мать разрыдалась и отказалась мне помогать: она караулила меня днем и ночью. Я не могла больше спать, а она не давала мне умереть. Долгие дни я сходила с ума от бессилия. Я больше не могла продолжать жить так, лежа, закутавшись в шаль. В конце концов неожиданный приступ ненависти вывел меня из состояния этого паралича.

Я думала, как бы мне в свою очередь отомстить за себя. Я могла бы нанять людей, чтобы убить моих насильников. Они бы проникли к ним в дом, вооружившись ружьями, и справедливость была бы восстановлена. Но у меня не было денег. Я бы сама могла купить ружье или раздобыть кислоту и выплеснуть ее в глаза обидчикам, чтобы ослепить их. Я могла бы... Но я всего лишь женщина, и у меня нет денег, мы, женщины, не имеем на это права. Монополией на месть владеют мужчины, и она осуществляется через жестокость к женщинам.

Теперь приходилось слышать о вещах, о которых раньше не говорили: мастои ограбили дом одного из моих дядей, они уже вторгались неоднократно в дома моих родственников, они

способны появиться в любом доме со своими ружьями и безнаказанно грабить. Полиция об этом знает, но она знает также, что никто не имеет права жаловаться, потому что тот, кто осмелится на это, будет тотчас же убит. Против них нет никакого способа борьбы, они живут здесь из поколения в поколение. Они знают депутатов, и у них вся власть, от нашей деревни до префектуры района. Полное превосходство. Именно поэтому они с самого начала говорили полиции:

— Если вы должны будете освободить Шаккура, то отдать его надо только нам.

Даже полицейские боялись за жизнь моего брата, и лучшее, что они нашли, — это поместить его в камеру, пока не будет принято решение о его виновности или невиновности.

Таким образом, просьба о прощении, которую мне пришлось принести публично, изначально была обречена на провал. Они согласились на нее, чтобы совершить надо мною насилие перед всей деревней. Они не боятся ни Бога, ни дьявола, ни муллу. У них власть, которую им дает принадлежность к высшей касте. Согласно племенной системе, они решают, кто их враг, кого надо раздавить, унизить, обокрасть, изнасиловать, при полной безнаказанности. Они нападают на слабых, а мы слабые.

И тогда я стала молиться, чтобы Бог помог мне выбрать между самоубийством и мщением любым способом. Я вспоминала Коран и разговаривала с Богом, как в те времена, когда была ребенком.

Когда я совершала какие-нибудь глупости, мама всегда говорила:

— Осторожно, Мухтаран. Бог видит все, что ты делаешь!

Тогда я смотрела на небо, спрашивая себя, есть ли наверху окно, через которое Бог может меня увидеть. Но из уважения к матери я не задавала вопросов. Дети не задают вопросов родителям. Иногда мне надо было поговорить с кем-нибудь из взрослых. И тогда моя бабушка с отцовской стороны отвечала на мои «почему» и «как». Лишь она меня слушала.

— Бабуля, мама говорит, что Бог на меня смотрит. Там, в небе, правда есть окошко, которое он открывает, чтобы на меня смотреть?

— Богу нет необходимости открывать окошки, Мухтаран, все небо — его окно. Он видит тебя, и он видит всех других людей на земле. И он судит твои плохие поступки, гак же как и поступки других. Что ты натворила?

— Мы с сестрами взяли палку соседского дедушки и положили ее поперек перед входом в комнату. Когда дедушка вошел, мы подняли палку с двух сторон, и он упал!

— Зачем вы так сделали?

— Потому что он все время нас ругает. Он не дает нам лазать на деревья, чтобы качаться на ветвях. Он не хочет, чтобы мы разговаривали, смеялись, играли, он ничего не хочет! И он все время грозит нам своей палкой, что бы ни произошло! «Ты не помыла попу, ну-ка иди мойся! Ты не повязала платок! Иди одевайся!» Он нас ругает без конца, он только и ворчит!

— Этот дедушка очень старенький, у него плохой характер. Он не выносит детей. Но больше так не поступай. Что ты еще наделала?

— Я хотела прийти к тебе на обед, а мама не разрешила. Она сказала, что я должна есть дома.

— Я поговорю с мамой, чтобы она больше не обижала мою внученьку...

В нашей семье никто нас не бил. Отец никогда не поднимал на меня руку. Мое детство было простым, бедным, ни счастливым, ни несчастным, — но радостным. Я бы хотела, чтобы тот период длился всю мою жизнь. Я представляла Бога как короля: он был большой и сильный, сидел на диване в окружении ангелов и всех прощал. Он одаривал своей милостью того, кто творил добро, а другого отправлял в ад за его злые поступки.

В двадцать восемь лет — с точностью до года, если верить моей матери — Бог был единственным прибежищем в моем одиночестве, в комнате, где я укрылась от своего позора. Умереть или отомстить за себя? Как снова обрести честь?

Пока я молилась в уединении, по деревне продолжали носиться слухи.

Рассказывали, что во время пятничной молитвы мулла произнес проповедь. Он заявил громко и ясно, что происшедшее — это грех, позор для всей общины и что жители деревни должны обратиться в полицию.

Рассказывали, что на собрании присутствовал журналист местной прессы и что он упомянул об этой истории в газете.

Рассказывали также, что мастои отправились в город, в ресторан, где публично хвастались своими подвигами, не опуская подробностей, и что теперь новость распространилась по всему району.

На четвертый или пятый день моего затворничества, во время которого я не ела и не спала, а только неустанно читала наизусть Коран, в первый раз мне на глаза навернулись слезы. Наконец я расплакалась. Тело и рассудок, иссохшие и измученные, были освобождены этими неторопливыми ручьями слез.

Я никогда не была слишком экспансивной. В детстве была веселой и беззаботной, с удовольствием участвовала в небольших розыгрышах, меня было легко рассмешить. Я помню, что плакала лишь раз, когда мне было лет десять. Мои братья и сестры гонялись по двору за убежавшим из курятника цыпленком, а я варила на огне *шапати.* И цыпленок, которого я не успела поймать, попал в костер. Я не смогла его спасти. Я плеснула воду на огонь, но было уже поздно. Он умер у меня на глазах. Уверенная, что это моя вина, что я была недостаточно проворной, чтобы поймать его, я проплакала целый день над ужасной смертью маленького невинного существа. Я никогда не могла забыть того чувства вины, оно преследовало меня, я чувствую себя виноватой до сих пор. Если бы не моя промашка, он, может быть, был бы спасен, он бы выжил, вырос. У меня было чувство, что я совершила большой грех, убив живое существо. Я плакала над мертвым цыпленком, сгоревшим в огне за несколько секунд, как плакала сейчас над своей судьбой. Я чувствовала себя виноватой в том, что меня изнасиловали. Ужасное ощущение, потому что это была не моя вина. Я не хотела смерти этого цыпленка, так же точно, как не сделала ничего, за что должна была вытерпеть такое унижение. Мои насильники, они-то не чувствовали себя виноватыми. Я никогда не смогу забыть. Я не смогу ни с кем говорить о том, что со мной произошло. Это невозможно. Да я в любом случае не способна на такое. Пережить вновь ту чудовищную ночь — невыносимо, я гоню воспоминания из головы, как только они возвращаются. Я не хочу вспоминать. Это для меня невозможно.

И вдруг я услышала крики в доме: пришла полиция!

Я вышла из комнаты и увидела Шаккура, который выскочил во двор в такой панике, что, не отдавая себе отчета, ринулся прямиком к дому мастои. Отец побежал за ним как сумасшедший. Мне пришлось их успокаивать и заставить вернуться.

— Отец, вернись! Не бойся! Вернись, Шаккур!

Услышав голос дочери, которую он не видел несколько дней, в тот самый момент, как он схватил Шаккура, отец остановился, и оба степенно возвратились во двор, где их ждали полицейские.

Как ни странно, я больше ничего не боялась, тем более полиции.

— Кто здесь Мухтаран Биби?

— Это я.

— Подойди сюда. Ты должна немедленно пойти с нами в комиссариат. Отец с Шаккуром тоже. А где твой дядя?

Мы поехали на полицейской машине, забрав дядю по дороге,

и нас привезли в комиссариат района Джатой, к которому относилась наша деревня. Там нам велели ждать, пока придет начальник. Там были стулья, но никто не предложил нам сесть.

— Вас позовут!

Там были журналисты. Они задавали мне вопросы, хотели узнать, что со мной произошло, и я вдруг заговорила. Я стала им рассказывать, но не вдаваясь в интимные подробности, касающиеся только моей женской стыдливости. Я назвала имена насильников, описала обстоятельства, объяснила, как все началось с ложного обвинения моего брата. Я была совершенно несведущей в законах и судебной системе, поскольку эти знания никогда не были доступны женщинам, но инстинктивно почувствовала, что должна воспользоваться присутствием журналистов.

В это время в комиссариат прибежал в ужасе кто-то из моих родственников. Мастои прослышали, что я в полиции, и угрожали нам расправой.

— Не говори ничего. Тебя попросят подписать полицейский протокол, не делай этого. Тебе надо выбраться из этого дела. Если ты вернешься домой, не подавая жалобы, они нас оставят в покое, если же нет...

Я решила бороться. Я еще не знала, почему полиция приехала за нами. Лишь позже я узнала, что наша история очень быстро распространилась в газетах по всей стране, благодаря той первой заметке в местной прессе. Теперь она была известна до Исламабада и даже за пределами страны! Правительство провинции Пенджаб, обеспокоенное необычной шумихой, попросило местную полицию составить в кратчайший срок информационный отчет. Впервые члены джирги назначили в виде наказания групповое изнасилование, несмотря на противодействие муллы.

Не зная законов и своих прав, как и большинство неграмотных женщин, я полагала, что у меня их нет вообще. Но я догадалась, что отмщение может быть получено другим путем, не самоубийством. Что мне до их угроз и опасности, со мной уже ничего не может случиться более страшного. Отец, вопреки ожиданиям, занял мою сторону.

Если бы я получила образование, умела читать и писать, все было бы проще. Но я вступила на новый, на тот момент совершенно неизведанный путь, и моя семья стояла за мной.

Потому что полиция в нашей провинции напрямую подчиняется высшим кастам. Их члены ведут себя как непримиримые хранители традиций, осуществляющие связь с племенными властями. Решение джирги, каким бы оно ни было,

соответствует их принципам. Невозможно поставить в вину влиятельной семье что-либо, что она рассматривает как внутреннее дело деревни, особенно если жертвой оказывается женщина. Чаще всего полиция сотрудничает с виновным, которого она таковым не считает. Женщина же является лишь объектом обмена, рождения или женитьбы. В соответствии с традициями у нее нет никаких прав. Я была воспитана именно так, и никто и никогда не говорил мне, что в Пакистане есть конституция, есть законы, есть права, записанные в книгу. Я никогда в жизни не видела адвоката или судью. Официальная юстиция была мне совершенно неизвестна и относилась только к богатым и образованным.

Я не знала, куда меня приведет решение подать жалобу. Послужит ли оно мне трамплином, чтобы выжить, даст ли моему позору и моему нежеланию с ним смириться оружие, неизвестное, но тем более ценное, потому что оно — единственное, которым я располагаю. Правосудие или смерть. А может быть, и то и другое.

Около десяти часов вечера полицейский завел меня одну в кабинет. Оставив меня стоять перед ним, он начал записывать мои ответы на вопросы, которые задавал.

И тогда меня охватило еще одно чувство: подозрительность.

Он выходил из кабинета три раза, чтобы повидать начальника. Каждый раз он возвращался, чтобы написать три строчки, хотя я говорила очень много. В конце концов он велел мне приложить палец к чернилам и поставить отпечаток в конце страницы в качестве подписи.

Пусть не умея читать, не слышав того, что он спрашивал у своего начальника, я поняла, что он написал на половине странички то, что ему диктовал начальник. Иначе говоря, глава клана мастои. У меня не было в этом уверенности, но я чувствовала инстинктивно.

Он даже не прочитал мне, что написал. Было два часа ночи. Я только что поставила отпечаток пальца на документ, в котором говорилось, что ничего не произошло. Или что я солгала. Я даже не поняла, что он поставил на протоколе неправильную дату. Тогда было 26 июня, а он написал 28-е. Он предпочел дать себе пару дней дополнительно, для него это было не срочно.

Покинув полицейский участок Джатоя, нам надо было самим думать, как добраться до дома за несколько километров. Там был какой-то человек с мотоциклом. В обычном случае он бы обязательно согласился нас подбросить — такой способ передвижения довольно распространен, — но он отказался везти меня и Шаккура, боясь встретить на дороге мастои.

— Я могу взять только твоего отца, и все.

Двоюродный брат, пришедший предупредить об угрозе, был вынужден нас провожать, но он пошел в обход, сделав крюк, чтобы не идти обычной дорогой.

С тех пор все стало по-другому. Даже я сама изменилась. Я не знала, как буду бороться и добиваться справедливости как возмездия, но в моем сознании уже сложился новый путь, единственно возможный. От этого зависели моя честь и честь моей семьи. Пусть я умру, но умру не растоптанной. Я страдала много дней, готовая покончить с собой, я плакала… Теперь мое поведение изменилось, хотя я сама не думала, что способна на это.

Вовлеченная в запутанный лабиринт официального закона, поставленная в неблагоприятные условия своим положением женщины, своей неграмотностью, за пределами семьи я имела единственную сильную сторону — протест.

И этот протест был таким же мощным, насколько тотальным было до сих пор мое подчинение.

Судья не такой, как другие

Было пять утра, когда мы наконец добрались до дому. Я была без сил после этого испытания. Как раз в такой момент скромная женщина вроде меня задает себе вопросы. Например, есть ли у меня резон желать изменить порядок, установленный племенной традицией. Я знала теперь, что решение о моем изнасиловании было принято общим собранием деревни. Мои отец и дядя слышали его, как и другие жители. Наша семья надеялась, что в конце концов просьба о прощении будет принята. В действительности же мы все попали в одну ловушку, я была приговорена изначально.

Каковы бы ни были мои опасения и сомнения, но теперь отступать было поздно. Мужчины Пенджаба, будь то кланы мастои, гуджар или балуч, не представляют себе, насколько мучительно, невыносимо женщине, если ее вынуждают рассказывать, что ей довелось вытерпеть. Я не упоминала подробностей перед полицейским. Простого слова «изнасилование» вполне достаточно. Их было четверо. Я видела их лица. Они вышвырнули меня вон, полураздетую, я едва прикрыла свою наготу перед глазами других мужчин и пошла... Все остальное — кошмар, который я старалась изгнать из памяти.

Рассказывать об этом снова и снова невозможно. Ведь это словно проживать все заново с каждым разом. Если бы только я могла довериться кому-нибудь — какой-нибудь женщине, это было бы не так болезненно. Но увы! В полиции и судопроизводстве работают только мужчины. Всегда одни мужчины.

Но на этом еще все не кончилось. Лишь только мы вернулись домой, как полиция снова пришла к нам. В этот раз меня забрали в комиссариат района — ради неких «формальностей».

Я сказала себе, что новость уже просочилась в газеты, они боятся, возможно, что понаедут другие журналисты и история — моя история — разойдется дальше. Но я ни в чем не была уверена. Мне было трудно двигаться, унизительно смотреть в глаза другим. Как спать, есть, пить после такого испытания? И однако же я встаю, иду вперед, сажусь в их машину, закрываю лицо шалью, даже не смотрю на дорогу. Я другая женщина.

И вот я сижу на полу в пустой комнате вместе с другими людьми, которых я не знаю. Я совершенно не понимаю, что там делаю, что меня ждет, и никто не приходил за мной, чтобы вести на допрос.

Поскольку со мной никто не разговаривает, никто не

объясняет, что к чему, у меня есть время поразмыслить о том, как обращаются с женщинами. Мужчины знают, что нам остается только молчать и ждать. Зачем ставить нас в известность? Это же они принимают решения, царствуют, действуют, судят. Я думала о козах, которых привязывают во дворе, чтобы они не убегали. Я не слишком отличалась от коз, если даже у меня не было веревки на шее.

Время шло, и я увидела, что приехали отец с Шаккуром. Они хотели узнать, что происходит. Полиция закрыла их в том же помещении, где находилась я. Мы оставались там до вечера, не смея перемолвиться словом, а на закате полицейские отвезли нас в деревню на машине. Не было никакого допроса, никаких «формальностей». У меня было впечатление, что меня пытаются от чего-то отстранить, как обычно. Когда я была девочкой, потом девушкой, я могла только случайно услышать обрывки разговора и понять, о чем говорят взрослые. Нельзя было ни задавать вопросы, ни вставить слово, а только ждать и пытаться понять, что происходит вокруг, собирая отдельные слова, сказанные другими.

На следующий день, в пять утра, полиция вернулась. Меня отвезли в то же место, поместили в ту же комнату, где я оставалась весь день, до захода солнца, и потом меня отвезли домой. На третий день то же самое. Та же камера, все так же целый день ничего не происходило. Я не была уверена, что этим заключением обязана присутствию журналистов в районе, но потом я получила подтверждение, что все было именно так. Если бы я знала об этом, я бы отказалась идти с полицейскими, я бы не покинула дом. В тот третий, и последний, день вечером полиция привезла в тот же комиссариат моего отца, Шаккура и муллу. Я их не видела, потому что там было, как я поняла потом, две отдельные комнаты: одна для уголовников, другая для прочих преступников. Я была заперта в комнату для уголовников, а мои родственники — в помещение для прочих преступников. Потом они рассказали мне, как это происходило с ними. Все трое были допрошены до меня об их версии случившегося. За мной пришли в последнюю очередь. Выходя из комнаты, я столкнулась с муллой, он успел быстро бросить мне:

— Будь осторожна! Они записывают все, что им скажешь, по-своему.

И вот настала моя очередь оказаться в кабинете начальника, ответственного, как я поняла, за весь район.

— Ты знаешь, Мухтар, мы очень хорошо знаем Фаиза из клана мастои, он совсем не злой человек, а ты его обвиняешь. Зачем ты наговариваешь на него, это ничего не даст!

— Но Фаиз сказал: «Вот она, делайте с ней что хотите!»

— Не надо настаивать на этом. Это не он сказал.

— Нет, он! А другие схватили меня за руки, я звала на помощь, я умоляла их...

— Все, что ты сказала сейчас, я запишу, а потом прочитаю тебе предварительный протокол. А завтра я отвезу тебя в суд, и там перед судьей ты будешь очень внимательной, ты расскажешь ему в точности то, что я тебе скажу сейчас. Я все подготовил, и я знаю, что лучше для тебя, для твоих родственников и вообще для всех.

— Они меня изнасиловали!

— Ты не должна говорить, что тебя изнасиловали.

На столе лежал лист бумаги, на котором уже было что-то написано. Но как узнать что? Если бы только я умела читать.

Он заметил мой взгляд и усмехнулся.

— Ты не должна упоминать имени Фаиза. Не должна рассказывать, что была изнасилована. Не должна говорить, что это он приказал что-то сделать или сам что-то сделал.

— Но он был там!

— Ты можешь уточнить, что Фаиз был там, да: про это известно. Но настаивать на том, что это он приказал, — нет, ни в коем случае. Скажи, например, что Фаиз произнес такую фразу: «Вот она пришла, простите его!»

Тут уже я рассердилась:

— Все, что я должна сказать, я знаю, я уже это сделала! Я не должна слушать, что ты рассказываешь!

Я снова оказалась в коридоре, с намерением покинуть это место. Я была унижена и возмущена. Мне было ясно: этот полицейский любой ценой хочет, чтобы я обелила Фаиза, он думает, будто произвел на меня достаточное впечатление, чтобы я подчинилась. Ах, он знает Фаиза! И говорит, что тот «совсем не злой». Однако половина деревни знает, на что способен Фаиз. Знает мой дядя, знает мой отец. Шаккур и я стали его жертвами, но поскольку он «совсем не злой», как говорит этот полицейский, он довольствуется тем, что препятствует людям моей касты купить несколько квадратных метров земли и забирает их для себя. Именно так: феодальное право. Начинается с земли, а кончается изнасилованием.

Может быть, я неграмотная и бедная, может быть, я никогда не вмешивалась в дела мужчин, но у меня есть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть. И у меня есть голос, чтобы говорить то, о чем мне есть что сказать!

Полицейский вышел вслед за мной. Он отвел меня в сторону, подальше от отца и муллы, которые все еще ждали у дверей

другого кабинета.

— Поди, поди-ка сюда, слушай хорошенько... Успокойся, Мухтаран Биби. Послушай, надо повторить то, что мы тебе говорим, потому что это лучше для тебя, лучше для нас.

У меня не было времени ответить ему, потому что другой полицейский повел отца, муллу и Шаккура в кабинет со словами:

— Давайте сюда, надо кое-что сделать, сейчас вы подпишете, и мы заполним остальное!

Он взял три листа бумаги, на которых ничего не было написано, и закрыл за ними тремя дверь.

Вскоре он вышел из кабинета и подошел ко мне:

— Твой отец, мулла Раззак и Шаккур согласны, они подписали, а остальное мы заполним сами. Четвертая страница для тебя. Значит, сделаешь как они, поставишь палец, чтобы подписать. А мы напишем на бумаге в точности то, что ты сказала, без проблем. Прикладывай палец!

Мулла подписал, а ему я доверяла. И я сделала, как просил полицейский, приложила палец внизу чистого листа бумаги.

— Вот и хорошо. Видишь, это простая формальность. Через какое-то время мы отведем вас в суд, к судье. Подождите здесь.

Часам к семи вечера, на заходе солнца, нас повезли на двух полицейских машинах. В одной был мулла, в другой мы трое. По дороге полицейские получили сообщение от судьи, в котором он объяснял, что не может прибыть в суд, потому что у него гости. Он просил, чтобы нас привезли к нему домой. Мы приехали к нему домой, но он изменил мнение.

— Нет, здесь не годится, слишком много народу. Все-таки лучше сделать это в суде. Везите их туда, я подъеду следом!

Мы ждали перед входом в суд, на улице, и, когда судья приехал, я увидела полицейскую машину, которая привезла Фаиза и четверых других, тех, кого я плохо различила ночью. Я узнала только Фаиза, но предполагала, что остальные четверо были как раз те, кто меня насиловал.

Я не знала, что их тоже вызвали в суд. Между собой мы не говорили из-за полицейских. Шаккур казался грустным, подавленным. Печать пережитого оставалась на его лице, даже притом, что кровь по нему больше не струилась. Мой брат до сих пор разговаривал только с отцом. Я надеялась, что он тоже сумеет защитить себя. Но он был молод, еще так молод, а ему в один день пришлось предстать и перед полицией, и перед судьей. Не знаю, советовали ли ему, как и мне, не обвинять никого.

К счастью, отец был с нами. Он защитит нас, как всегда это делал, в отличие от других отцов, готовых пожертвовать сыном или дочерью, лишь бы самим избежать неприятностей. Он

поддерживал меня при разводе, когда понял, что мужчина, выбранный мне в мужья, ведет себя некорректно, что это бездельник, не сдержавший своих обещаний. Он остался твердым, как и я, пока я не получила *талак*. Талак выдается только мужем и означает его согласие с разводом. Без этого женщина не может развестись: свою просьбу она должна подтвердить перед судьей, а это стоит дорого и не всегда позволено. Я обрела свободу благодаря отцу и своей настойчивости — единственной силе, которой мы обладаем перед лицом мужчин. И мой отец верил, что в соответствии с племенным законом Фаиз на собрании деревни должен принять мою просьбу о прощении. Такой закон был когда-то принят. Он мне про него говорил. Даже когда речь идет об убийстве в семейных делах, то и тогда прощение возможно. В действительности же этот закон на руку лишь наиболее сильному: он может простить оскорбление, но не обязан это делать.

Но раз мастои не простили, я тоже не прощу. Оскорбление, которое якобы им нанесено, не идет ни в какое сравнение с тем, что пережили я и мой брат. Честь принадлежит не только касте мастои.

Я стояла перед судьей: на сей раз первую допрашивали меня. Это был представительный человек, очень вежливый — первый, кто попросил принести стул, чтобы я смогла сесть. Вместо того чтобы восседать в своем судейском кресле, он устроился напротив меня, по другую сторону стола. Он также попросил принести графин с водой и стаканы. Я пила воду, как и он, и была ему очень признательна, потому что день для меня был тяжелый.

— Послушай, Мухтар Биби. Помни, что ты перед судьей. Говори мне только правду, расскажи обо всем, что произошло. Не бойся. Я должен знать, что случилось. Здесь ты одна со мной, и мой помощник будет записывать все, что ты скажешь. Это суд, и я здесь, чтобы знать. Говори откровенно.

Я начала свой рассказ, стараясь быть спокойной, но горло сдавило. Рассказывать об изнасиловании — непростое испытание. Судья подбадривал меня, не забывая напоминать:

— Будь внимательной, говори мне правду. Без нажима, без паники, говори все как есть.

Я в самом деле почувствовала к нему доверие. Благодаря тому, как он держал себя, я почувствовала, что это беспристрастный человек. Его внимание было не таким, как у полицейских, он не начал с того, чтобы мне угрожать или говорить вместо меня; он хотел только правду. И слушал с большим вниманием, без презрения. Когда видел, что переживания бросают меня в дрожь и пот, он останавливал меня:

— Не торопись, успокойся. Выпей воды.

Беседа длилась полтора часа. Судья хотел знать все подробности того, что произошло в том проклятом хлеву. Я рассказала все. Все то, что не рассказывала никому другому, даже собственной матери. Затем он пересел в судейское кресло.

— Хорошо, что ты рассказала всю правду. Бог решит.

Он начал молча делать записи, а я была настолько измучена, что положила голову на стол. Я хотела спать, вернуться домой, чтобы больше мне не задавали никаких вопросов.

Судья велел привести муллу Раззака и, как и ко мне, очень вежливо к нему обратился:

— Надо говорить мне правду. Вы лицо ответственное, и я рассчитываю на вас. Ничего не надо от меня скрывать.

Мулла начал говорить, но очень скоро я почти перестала его слышать. В конце концов я вдруг отключилась, провалившись в сон от усталости, и уже ни о чем не помнила. Кто вошел следующим, кто что говорил... туман. Я пришла в сознание, только когда отец разбудил меня:

— Мухтар, мы уходим! Пора уходить.

Когда я выходила из зала, судья поднялся со своего кресла, подошел ко мне и в знак утешения положил руку мне на голову.

— Держись. Не унывай. Держитесь все.

Полиция наконец-то отвезла нас домой. Я не видела Фаиза и его братьев, когда выходила, и не знала, допрашивали ли их после нас. Но со следующего дня перед домом появились журналисты, а также много незнакомых мужчин и женщин, представителей организаций по защите прав человека. Я не знала, как они получили информацию, кто им сообщил. Я даже увидела представителя английского телевидения, Би-би-си, пакистанца, прибывшего из Исламабада. Иностранцев было столько, что я не всегда понимала, кого или что они представляют. Ежедневно приходило очень много народу. Никогда наш небольшой дом не знал такого наплыва гостей — куры бегали по двору, собака лаяла, а вокруг меня постоянно было скопление людей на протяжении четырех дней.

Я говорила без опаски, разве только избегала подробностей, если меня настойчиво о них расспрашивали. Я понимала, что присутствие посетителей может меня защитить от угроз соседей, чья ферма находилась на расстоянии нескольких сотен метров. Если все эти люди хотели знать, то потому, что я символизировала возмущение всех прочих подвергшихся насилию женщин в нашем регионе. Впервые женщина становилась эмблематической фигурой.

Я услышала от них о вещах, о которых не знала раньше, о драмах, появляющихся в газетах, о случаях насилия и жестокости. Мне прочитали отчет, переданный ассоциацией властям Пенджаба, в котором рассказывалось, что только в течение июня более двадцати женщин были изнасилованы пятьюдесятью тремя мужчинами! Две женщины погибли: одна была убита насильниками из страха, что она на них донесет, другая покончила с собой от отчаяния 2 июля, почти в тот день, когда меня допрашивал судья. Эта женщина выбрала смерть, потому что полиции не удалось арестовать насильников. Все это лишь убеждало меня в решимости продолжать борьбу, идти по пути справедливости и правды, несмотря на давление полицейских, вопреки «традиции», предписывающей женщинам молча переносить страдания, а мужчинам делать, что они хотят.

О самоубийстве я больше не думала.

Одна пакистанская активистка объяснила мне:

— Половина женщин в нашей стране подвергаются насилию. Их против воли выдают замуж, их насилуют, мужчины пользуются ими как предметом обмена. Неважно, что они думают, потому что для мужчин главное, чтобы женщины не начали задумываться. Мужчины не хотят, чтобы женщины учились читать и писать, чтобы они узнали, каков мир вокруг них. Именно поэтому неграмотные женщины не могут защитить себя: они ничего не знают о своих правах, мужчины диктуют им правила поведения, чтобы подавить их возмущение. Но мы с тобой, смелее!

Это было как раз то, что пытались сделать со мной. «Ты скажешь то, что я тебе велю, потому что так лучше для тебя...»

Один журналист рассказал мне, что пресса выявила еще один факт обвинения Фаиза. Полиция зарегистрировала жалобу матери семейства по поводу ее дочери, которую он похитил, неоднократно насиловал, а потом отпустил, как раз когда в местной прессе заговорили о моем случае.

Я слышала столько новостей, я видела столько лиц...

Я пользовалась вниманием средств массовой информации в связи с моим обращением в органы юстиции, а также потому, что впервые в провинции глава джирги разрешил групповое изнасилование — по крайней мере, все это выплыло наружу. И я в какой-то мере стала символом истории, касающейся в действительности тысяч пакистанских женщин.

Голова у меня шла кругом, у меня было впечатление, что вокруг меня наконец просветлело. За моей деревней, за пределами моей провинции, до самого Исламабада, — там лежит целый неизведанный мир. Когда я была ребенком, я никогда не

осмеливалась пойти дальше соседней деревни, где жили наши родственники и друзья семьи. Я вспоминала часто своего дядю, который иногда приезжал к нам. Он жил еще с молодости в Карачи. Мы с сестрами затаив дыхание слушали, как он рассказывает о море, горах, самолетах, о разных людях, приезжавших издалека. Мне было лет семь или восемь, и я с трудом понимала эти странные вещи. Я знала, что здесь, в моей деревне — это Пакистан, но дядя говорил, что на западе есть другие страны, например Европа. Я слыхала только об англичанах, оккупировавших нашу страну, но никогда их не видела. Я не знала, что есть «иностранцы», живущие в Пакистане. Наша деревня была так далеко от городов, на юге провинции, и я никогда не смотрела телевизор, за исключением одного дня, когда дядя привез телевизор с собой из Карачи... Телевизионные картинки потрясли меня. Я не могла понять, кто там, за этим странным аппаратом, кто говорил одновременно со мной, хотя в комнате никого не было.

Эти снимающие меня камеры — телевидение. Эти фотографы — газеты.

В деревне поговаривали, что меня «захватили» журналисты, что они пользуются мною, чтобы писать статьи, направленные против правительства Пенджаба. Что мне должно быть стыдно за то, что я делаю — вместо того, чтобы покончить с собой или похоронить себя заживо. Но все эти приехавшие отовсюду люди многое открыли мне. Например, то, что за насилием над моим братом, а потом надо мною в действительности скрывается намерение мастои прогнать нас с этой земли. Гуджар им мешают. Они не хотят, чтобы крестьяне нашей касты покупали принадлежащие им поля. Я не знала, правда ли это, но некоторые мои родственники верили этому, потому что мы беднее мастои, более малочисленны, у нас нет никакой политической поддержки и для гуджар приобрести землю чрезвычайно трудно.

В конце концов эти четыре дня, проведенные в окружении журналистов, заставили меня со всей жестокой правдой осознать, какими оковами является неумение читать и писать. А также невозможность составить собственное мнение об очень важных вещах. Теперь я страдала от этого. Даже больше, чем от относительной бедности моей семьи: все-таки мы не умирали с голоду. У нас были два быка, корова, восемь коз и поле сахарного тростника. Меня бесило, что я не могу понять написанное. Коран был моим единственным сокровищем, он записан во мне, в моей памяти, он был моей единственной книгой.

Однако я больше не видела детей, которые приходили ко мне, чтобы учить Коран наизусть, как когда-то я сама выучила

его. Ведь именно за эту деятельность я пользовалась уважением в деревне. Сейчас деревня отодвинула меня в сторону. Слишком шумно, слишком тесно от журналистов, понаехавших из городов, слишком много фотоаппаратов и телекамер. Слишком скандально. Для некоторых я была почти героиня, для других — прокаженная, обманщица, осмелившаяся восстать против мастои. Получалось, чтобы бороться, я должна была потерять все. Свою репутацию, честь, все, что составляло мою жизнь. Но теперь это было неважно. Я хотела справедливости.

На пятый день меня вызвал префект департамента. Приехали два представителя полиции. Меня, Шаккура, отца и муллу повезли в Муззаффаргар. Я надеялась, что «формальности» закончены и юстиция будет делать свою работу. Но, прибыв в кабинет префекта, я заметила двух офицеров из комиссариата, тех самых, которые заставляли меня говорить «то, что надо». Неужели давление опять возобновится? Я испугалась и занервничала. В тот раз я доверилась мулле и отцу, поставив отпечаток пальца на пустой лист бумаги. А теперь понимала, что это была ловушка.

Префект попросил офицеров выйти, чтобы переговорить со мною с глазу на глаз.

— Доченька, у тебя какие-то проблемы с этими людьми или какие-то претензии к ним?

— У меня нет никаких проблем, кроме того что один из них потребовал, чтобы я приложила палец к чистому листу бумаги. Он подготовил по листу для моего отца, для моего брата, для муллы. А мы даже не знаем, что там написано, на этих листах.

— Ах вот как?

Он был удивлен и внимательно смотрел на меня.

— А ты знаешь имя того, кто это сделал?

— Нет, не знаю. Но в лицо могу его узнать.

— Хорошо. Я их сейчас позову, и ты укажешь на него пальцем.

Он велел позвать двух мужчин. Я не знала, что они были в чине супрефекта полиции района. Но указала на мужчину, о котором шла речь. Префект сделал ему знак выйти, не сказав ни слова, а затем обратился ко мне:

— Я займусь им. Кажется, они забыли досье, которое должны были приготовить для меня. Во всяком случае, они не очень-то в курсе того, что в нем содержалось. Я попросил их найти его и принести мне. Вас вызовут в другой раз, попозже.

Три-четыре дня спустя местная полиция снова приехала, чтобы предупредить нас о вызове, и на следующий день утром нас

повезли на другую аудиенцию.

На этот раз в Муззаффаргаре нас ожидал не префект, а врач из госпиталя. Потому что семья мастои между тем подала жалобу. Они привели свою дочь Сальму, чтобы она заявила, будто была изнасилована моим братом. Врач должен был обследовать Сальму и Шаккура. И действительно, она прибыла почти одновременно с нами в другом полицейском фургоне. Что же касалось меня, то я по-прежнему не могла взять в толк, что я там делаю. Будучи женщиной, я знала, что обследовать Сальму слишком поздно. Да и я сама оказалась там только 30 июня, через восемь дней после свершившегося. Конечно, мне надо было идти в полицию гораздо раньше, но в тот момент я была не в состоянии.

Полицейские принесли мою одежду, которую мать выстирала. Несмотря на это, как я узнала позже, врач констатировал то, что я знала сама — раны интимных участков тела, — и определил, что имело место изнасилование; хотя тогда он ничего мне не сказал. Я была рада узнать, что осмотр позволил сделать вывод, что я не тронулась умом и не введена в заблуждение! Однако страдания от унижения диагностировать никто не может. Тем более что, из гордости или из-за стыда, я о нем не говорила.

Для Сальмы, которая утверждала, что была изнасилована 22 июня, было поздновато. По крайней мере, я сомневалась, что она была девственницей. Врач вызвал моего брата для простого теста. Он определил его возраст между двенадцатью и тринадцатью годами максимум. То же самое говорил и наш отец.

Что касается Сальмы, то я, разумеется, не присутствовала при ее осмотре, но впоследствии из нескромных слухов, бродивших по деревне, стало известно, что она внезапно изменила свою версию, когда главный доктор объяснил ей, что ему надлежит взять у нее мазки и сравнить их с тестом Шаккура.

— Шаккур? Нет, это не он меня изнасиловал! Он держал меня за руки, а насиловали меня его старший брат и трое его двоюродных братьев!

Врач вытаращил глаза от удивления:

— Что ты несешь? Мальчик двенадцати лет был способен держать тебя за руки, один, пока трое других тебя насиловали? Ты надо мной смеешься?

Бригада врачей, тем не менее, ее обследовала. Они определили ее возраст примерно в двадцать семь лет и уточнили, что она лишилась девственности еще около трех лет назад. Кроме того, у нее был выкидыш. И наконец, последнее половое сношение, по мнению медиков, у нее было до так называемого

изнасилования, имевшего место 22 июня.

Я не знала точно, как медики действуют, чтобы делать такие выводы, но узнавала новое каждый день. Например, то, что они сделали для моего брата, называется тест на ДНК. Шаккур не насиловал Сальму. Он только оказался на поле сахарного тростника в одно время с ней, и мастои этим воспользовались. Все газеты твердили, что он был влюблен. Одного взгляда достаточно, чтобы тебя уличили во влюбленности. Девушка должна опускать голову. Но Сальма делала что хотела. Она не боялась, что на нее кто-то посмотрит, а напротив, провоцировала взгляды.

До сих пор мое существование как преподавательницы священных текстов было слишком далеким от всех этих гнусностей. Родители воспитывали меня и моих сестер в уважении к традициям. Как и все девочки, я знала, что примерно с десятилетнего возраста нам запрещено разговаривать с мальчиками. И я никогда не преступала этот запрет. Я увидела лицо моего жениха только в день свадьбы. Если бы я могла решать, то никогда бы его не выбрала, но из уважения к семье я повиновалась. Сальма же воображала себя незамужней женщиной. Ее семья пошла на хитрость: сначала они обвинили моего младшего брата, будто он украл сахарный тростник, затем в том, что у него были с ней сексуальные отношения, а сейчас она рассказывает, что сам он ее не насиловал, а она оказалась жертвой моего старшего брата и его кузенов... Хотелось бы мне иметь побольше смелости: иной раз силы меня покидали перед лицом всей этой лжи. Что же сделать, чтобы добиться беспристрастной справедливости, в то время как соседи неустанно перекраивают эту историю, словно вышивают шаль, меняющую цвет каждый день?

Я знаю, что я пережила и что пережил мой брат.

Он заявил судье, что трое мужчин из той семьи схватили его и подвергли содомии, а он плакал и кричал: «Я расскажу отцу, я скажу полиции». Тогда мужчины пригрозили, что убьют его, если он заговорит. Потом они силой притащили его к себе в дом, заперли в комнате, вновь избитого и изнасилованного, и отдали его полицейским только после того, как вмешался отец, искавший его несколько часов.

Согласно нашим законам, доказать насилие над женщиной практически невозможно. Необходимы показания четырех свидетелей, видевших своими глазами, что происходило. В случае со мной, как и с моим братом, единственными свидетелями были наши насильники.

В тот день я не знала, почему меня доставили в госпиталь

вместе с братом. В полицейской машине я думала, что это не для того, чтобы увидеться с врачами, а для того, чтобы отвезти меня одну к префекту. В конце концов я оказалась в кабинете президента генерального совета. Там меня ожидала женщина.

Это была женщина-министр, объяснившая, что правительство поручило ей вручить мне чек на пятьсот тысяч рупий — эквивалент восьми тысяч долларов. Характер у меня недоверчивый, а обстоятельства вынуждали сохранять еще большую осторожность. Я испугалась, что это очередная ловушка.

Я выслушала слова сожаления, глядя на протянутую руку, взяла чек, даже не глядя на цифры — я слышала, и этого было достаточно. Пятьсот тысяч рупий! Я даже не могла представить такой огромной суммы. Можно многое купить на эти деньги... Машину, трактор, уж не знаю что еще. Кто в моей семье когда-нибудь имел такие деньги? Или получал такой чек?

Недолго думая, по какому-то инстинктивному побуждению, я смяла листок и бросила на пол. Это было презрение не к даме, а к чеку.

— Мне этого не нужно!

Ведь не узнаешь: а вдруг, если эта дама дает мне столько денег, возможно, она пришла по поручению того, кто хочет похоронить дело?

Но она настаивала, уговаривала меня принять чек, и один раз, и другой, и третий. Она была хорошо одета, производила впечатление респектабельной женщины, и в ее глазах я не видела тени обмана. Тогда я сказала:

— Мне нужен не чек, мне нужна школа!

Она улыбнулась.

— Школа?

— Да, школа для девочек из нашей деревни. У нас ее нет. Если вы действительно настаиваете, то я вам скажу: мне не нужен этот чек, но мне нужна школа для девочек нашего поселка.

— Хорошо, мы вам поможем построить школу, но для начала прими чек. Разделите деньги с отцом, а я вам обещаю в добавление к этому построить школу. Вы должны будете оплачивать адвоката, а это стоит дорого.

Об этом я знала. Один пакистанец, занимавшийся защитой прав женщин, сказал мне, что хороший адвокат может запросить двадцать пять тысяч рупий. А процесс может затянуться, поэтому он может потребовать еще денег. Именно поэтому те, кто победнее, предпочитают обращаться в джиргу. Совет выслушивает обе стороны, предлагает соответствующее решение, и дело заканчивается за один день. По правилам, никто не может говорить неправду перед джиргой, потому что в деревне все обо

всех всё знают, и глава совета выносит решение, чтобы никто не оставался врагами навсегда.

К моему несчастью, того, кто принял решение в тот день вопреки мнению муллы, звали Фаиз. И он разделил жителей деревни, вместо того чтобы их примирить.

Что ж, я приняла чек. Потом эта женщина очень деликатно задала мне несколько вопросов, и я осмелилась сказать ей, потому что она была женщиной, и к тому же ее лицо было искренним и благородным, что моя жизнь находится в опасности. Меня не информировали о том, что происходило с насильниками, но я поняла, что их продержали несколько дней в комиссариате, а потом отпустили. Все мужчины из той семьи вернулись домой, все они находились рядом с нами и ждали только одного: как бы нас уничтожить.

— Это соседи. Они живут напротив нашего дома. Между нами только поле. Я не решаюсь выйти на дорогу. Я чувствую, что они меня караулят.

Она ничего не пообещала, но я видела, что она понимает сложность ситуации. Все завертелось очень быстро. Быстрее, чем можно было ожидать в тот момент. Газеты на протяжении четырех дней так много говорили о моей истории, что о ней знала вся страна, вплоть до правительства в Исламабаде. Дама-министр была государственным секретарем по делам женщин Пакистана. Эта мадам Аттийя, вручившая мне чек и обещавшая помочь построить школу в нашей деревне, была послана самим президентом. Мои фотографии были повсюду, моя история была во всех газетах, не только в стране, но и за рубежом. Международная амнистия тоже была с ней ознакомлена.

4 июля 2002 года прошла демонстрация обществ, защищающих права человека, которая потребовала правосудия. Критиковали местную полицию за то, что мою жалобу зарегистрировали слишком поздно, за то, что мне дали «подписать» чистый лист бумаги. Я обратилась в полицию 28 июня, а они поставили 30-е на своем рапорте, который намеревались поскорее похоронить. Судья, с которым я встречалась, сообщил журналистам обо всех этих фактах, объяснив, что невозможно было, чтобы история не дошла до ушей полицейских раньше, чем я решила обратиться с жалобой, и что решение джирги было позорным. Даже министр юстиции заявил британскому телевидению, что решение джирги под предводительством клана мастои должно быть расценено как акт терроризма, что племенное собрание было незаконным и что виновные предстанут перед антитеррористическим судом. Речь шла о злоупотреблении властью.

Таким образом, правительство Пакистана расценило дело Мухтар Биби как дело государственной важности. Восемь человек из семьи мастои были арестованы 2 июля, а полиции предстояло давать объяснения. Активно разыскивали четырех обвиняемых, пустившихся в бега, но которых вот-вот должны были посадить в тюрьму. Для моей охраны и защиты моей семьи был прислан наряд полицейских. В итоге полиция арестовала пятнадцать человек. Суду давалось трое суток, чтобы вынести постановление о судьбе тех, кто считался виновным.

Это было так необычно. Во всем мире знали мое лицо, говорили о трагедии моей семьи. Я с трудом вникала во все эти вещи, потому что все происходило очень стремительно. Я вернулась домой с чеком. Мадам министр сказала мне, что отец может пойти в Джатое в банк, директор которого предупрежден о том, что он должен открыть счет на имя отца и на мое имя. У меня никогда в жизни не было банковского счета. У моего отца тоже. Мы скорее пошли туда, чтобы наши деньги были в безопасности. Они только попросили две подписи и выдали отцу чековую книжку.

В тот же вечер, вернувшись, мы увидели человек пятнадцать вооруженных полицейских вокруг нашего дома. Это приехал губернатор в сопровождении по меньшей мере пятидесяти человек, чтобы подбодрить нас и сказать мне, что виновные обязательно будут наказаны. Он также заявил, что считает меня почти своей дочерью, что я должна стоять до конца и что он окажет мне всяческую поддержку.

Через полчаса он укатил со всей своей свитой.

Бедные полицейские должны были спать под деревьями. Поскольку их было так много, нам еще надо было всех накормить и напоить. Двести пятьдесят тысяч рупий, полученных моим отцом, долго не пролежали, потому что маленькая армия полицейских оставалась на посту вокруг дома в течение целого года. Лишь их зарплата была за счет государства.

Как всегда, в драматических обстоятельствах оказывается что-то смешное. В тот же день к нам приехал в окружении многочисленных родственников дядя со стороны матери, которого я не видела очень долгое время. Со дня моего развода, во всяком случае, то есть лет семь. У него был сын моего возраста, женатый, с двумя детьми. Дядя никогда не просил меня выйти за его сына замуж. Увидев меня в обществе губернатора и с чеком в руках, он сформулировал свое предложение в виде притчи:

— Сломанную ветвь нельзя выбрасывать, надо сохранить ее в семье. Если она согласна, я возьму ее для своего сына в качестве второй жены!

Я поблагодарила, без комментариев, но согласия не дала. Чего он хотел для своего сына? Чек от правительства или меня?

Что касается меня самой, то я хотела школу.

Прерванное молчание

Пакистанский закон разрешает помещать в тюрьму людей, замешанных в изнасиловании, будь они непосредственными участниками или просто свидетелями. Их судят по закону ислама. Но предстать перед антитеррористическим судом — это было совершенно ново для случаев подобного рода. Правительство учредило специальный суд на уровне пяти районов. В моем случае это было благоприятным решением: я не должна буду доказывать факт изнасилования с четырьмя свидетелями. Это уже установлено при осмотре. Также несколько жителей деревни видели, как меня затаскивали в хлев, а потом вышвырнули на улицу перед всем миром.

Моя безопасность была обеспечена. В какой-то степени я тоже находилась в заключении, потому что все мои перемещения осуществлялись под неусыпным надзором полиции.

Суд затребовал полное досье. Требовалось быстрое разрешение конфликта, чтобы успокоить людей, средства массовой информации и международную прессу, которые не прекращали критиковать отсутствие законных прав женщин в условиях демократии, а также традиционное применение племенной системы. Организации по защите прав женщин и ассоциации защиты прав человека, работающие в Пакистане, использовали мой показательный случай, чтобы напомнить, с помощью прессы, об историях, которые обычно едва ли становятся известны широкому населению. Вся страна была со мной.

> «Мать семейства, по своей инициативе попросившая развода, поскольку подвергалась насилию со стороны мужа, была убита прямо в кабинете адвоката, в Лахоре. Самому адвокату также грозит опасность. Убийца по-прежнему находится в бегах».

> «В деревне недалеко от г. Суккур три брата сожгли заживо свою невестку под предлогом ее неверности мужу. Женщина была спасена своим отцом, но позже скончалась в больнице».

Список подобных историй бесконечен. Идет ли речь о разводе, о предполагаемой неверности или выяснении отношений между мужчинами, женщине приходится платить очень дорого. Ее отдают в качестве компенсации за оскорбление, ее насилуют враги мужа, чтобы отомстить ему. Мужчинам достаточно начать ссориться по любому поводу, и вот уже один начинает вымещать злобу на жене другого. В деревнях очень часто мужчины сами творят правосудие, применяя принцип «око за око». И всегда это вопрос чести, и все им позволено. Отрезать нос своей жене, сжечь родную сестру, изнасиловать жену соседа.

И даже если полиции удается их арестовать, пока они не успели убить, их инстинкт мщения не утихает. Всегда есть другие члены семьи, мужчины, готовые принять эстафету защиты чести брата или кузена. Я знаю, например, что один из братьев Фаиза, более сумасшедший и более возбужденный, чем другие, даже не допускал мысли о том, чтобы принять от меня просьбу о прощении. И никто не мог ему в этом помешать. Напротив. Чем насилие страшнее, тем более они чувствуют себя обязанными в нем участвовать.

Я не собиралась их прощать, совсем нет, просто старалась разъяснить иностранцам, которые задавали мне вопросы, как функционирует общество в Пенджабе, в провинции, в которой преступления во имя чести, к сожалению, наиболее распространены. Я родилась в этой стране, подчинялась этим законам, и для меня не было секретом, что я, как и другие женщины, принадлежу мужчинам моей семьи — как вещь, с которой они вольны делать что угодно. Подчинение было строжайшим.

Специальный суд находился в административном центре Дера Гази Хан, расположенном к западу от реки Инд, в трех с лишним часах езды на машине от нашей деревни. Итак, моих насильников будет судить антитеррористический суд. Полиция нашла у них оружие, вероятно, не все, что у них было, потому что до ареста они длительное время отсутствовали и имели возможность перепрятать все, что хотели. Не знаю, наличие ли оружия явилось причиной того, что они были вызваны в антитеррористический суд: ведь в провинции очень многие мужчины вооружены. Единственным преимуществом для меня было то, что вмешательство правосудия оказалось очень скорым. При обычном судопроизводстве дело могло тянуться месяцами и даже годами.

Надо было присутствовать на заседаниях каждый день, а мне было очень трудно ездить туда и обратно между Дера Гази Ханом и Мирвалой. Поэтому я попросила, чтобы меня устроили на

месте, и мне нашли жилье в пригороде. Я не слишком привычна к городу, к пыли, шуму на улицах, к повозкам, рикшам, грузовикам и ревущим мотоциклам. Мне предстояло прожить там три недели.

Первое заседание началось в пятницу, через месяц после драмы. Такая быстрота была исключительной.

Обвиняемых ввели в зал суда в наручниках. Четырнадцать мужчин, среди них Рамзан. Девятерым вменялось в вину то, что они держали под прицелом моего отца и не давали ему уйти. Фаиз и четверо других привлекались за изнасилование. До сих пор ни одного мужчину, даже преступника, не наказывали за месть или преступление во имя чести. Они не верили в это и полагали, что выйдут из суда оправданными. Фаиз и другие не говорили сами, вместо них выступал их адвокат. Я нашла их менее заносчивыми, чем обычно, и мне не было страшно встретиться с ними лицом к лицу. Вчерашние волки превратились в ягнят, по крайней мере внешне. Они не хвастались больше, как тогда, после своего злодеяния, больше не выставляли его как цену за их фамильную «честь».

Как всегда, на рассвете, перед тем как пойти в суд, я молилась. Я верила в справедливость Господа, может быть, даже больше, чем в людскую справедливость. И я была фаталисткой.

Четырнадцать мужчин клана мастои перед женщиной низшей касты — такого еще никто не видал. Но с ними был целый отряд адвокатов, девять человек. У меня их было трое, среди которых один очень молодой, а другой — женщина.

Главный противник, адвокат защиты, был красноречив, он завладел вниманием аудитории и беспрестанно обзывал меня лгуньей, говорил, что я все выдумала.

Кроме всего прочего, я была разведенной, что ставило меня на низшую ступень среди уважаемых женщин, как они считали. Я даже задавала себе вопрос, не это ли обстоятельство было причиной, которая привела к тому, что выбор пал на Мухтар Биби, чтобы просить так называемое прощение. Я никогда не узнаю об этом.

Они утверждали, что предлагали обмен женщинами — Сальму для Шаккура, и Мухтар для мужчины их клана. По их словам, мой отец, дядя и посредник, ведший переговоры — Рамзан, — отказались. Но было как раз наоборот: тот самый Рамзан предложил отдать меня, чтобы они совершили надо мной насилие, которое примирит обе стороны. Мой отец отверг это.

Этот Рамзан казался мне все более подозрительным. Роль, которую он играл в деле, была неясной. Во всяком случае, по их словам, я все налгала с начала до конца. Ничего не произошло,

никто не совершил *зина-билъ-джабар*[2] *над старшей дочерью Гулам Фарид Дката, моего отца.*

Защита старалась заставить меня доказывать насилие — то, что я должна была бы сделать по исламским законам. Такое доказательство можно представить двумя способами. Либо полное признание одного или нескольких обвиняемых перед судом — чего никогда не бывает, — либо показания четырех взрослых мусульман, уважаемых за соблюдение религиозных правил, которых суд сочтет достаточно благонадежными.

Но поскольку я находилась в специальном суде, судьба выбрала меня, чтобы указать путь правосудию. Если суд будет справедливым, это и будет моим отмщением. Я больше не испытывала страха перед закованными в наручники людьми с блуждающими глазами. Я спокойно и хладнокровно рассказала все, но без излишних подробностей — мои показания, которые я давала на следствии, находились в деле. Я пришла, чтобы просить у них извинения за моего брата, я слышала, как один из них сказал: «Надо его простить», и тут же другой вышел вперед и приказал меня изнасиловать. Никто не пошевелился, чтобы прийти мне на помощь. Их было четверо, они изнасиловали меня но очереди и вышвырнули вон в разорванной одежде, в постыдном виде, перед глазами моего отца.

Я закончила говорить. Я старалась не показывать своих чувств, но внутри у меня все сжалось от стыда.

Заседания проходили при закрытых дверях. Журналисты ждали во дворе. В зале находились только обвиняемые, свидетели и адвокаты. Судья вмешивался время от времени, когда в прениях адвокатов накалялись страсти.

На последнем заседании председатель был готов вынести на следующий день свой вердикт. Я не присутствовала, когда он допрашивал префекта и супрефекта, того, который дал мне подписать чистый лист, и его людей. По их словам, мои показания того времени отличались от сегодняшних.

— Я вас вызвал, потому что вы все были там, когда Мухтар давала показания, и вы все ответственны за то, что написано в этих документах.

Префект ответил:

— Господин председатель, позвольте мне сказать вам, что не мы придумали все это. Мухтар мне говорила об этом еще раньше, когда приходила в мой кабинет, и полицейский, которого я вызвал, сказал мне: «Ничего страшного, это должно быть в материалах дела, я проверю», но он так и не принес мне документы.

Судья рассвирепел:

— Именно поэтому мне и хочется засадить вас в тюрьму!

Тем не менее он его отпустил и объявил, что постановление суда откладывается.

Глубокой ночью 31 августа 2002 года в ходе специального заседания суд вынес свой вердикт. Шестеро были приговорены к смертной казни и выплате пятидесяти тысяч рупий за возмещение убытков. Четверо из них за изнасилование Мухтар Биби и двое других за участие в заседании джирги и подстрекательство к изнасилованию — то есть Фаиз, глава клана, и тот самый Рамзан — оба в качестве присяжных джирги. Этот последний выставлял себя в роли посредника, выступающего в интересах нашей семьи; в действительности это был лицемер и предатель. Он сделал все возможное, чтобы мастои добились чего хотели, а мой отец ему доверился.

Восемь других обвиняемых были отпущены на свободу.

Журналистам, ожидавшим решения суда, я сдержанно заявила, что удовлетворена приговором, но мои адвокаты и прокурор подают апелляцию на решение суда освободить восемь других членов клана мастои. Со стороны шести приговоренных также подается апелляция на пересмотр смертного приговора. Так что все еще не закончилось, хотя я и одержала победу. Тем не менее борцы за права человека ликовали. Символ борьбы в лице Мухтар Биби стал для них примером.

Я могла вернуться в свою деревню с высоко поднятой головой, под скромной, подходящей к случаю шалью.

У меня оставалось еще школа, которую я хотела построить, но это было непросто. Странным образом иногда меня покидали силы. Я похудела, щеки ввалились от усталости. Эта драма, прервавшая мое мирное существование, как и громкая победа, подхваченная прессой, доконали меня. Я устала говорить, противостоять мужчинам и их законам. Обо мне говорили как о героине, в то время как я была совершенно без сил. Когда-то я была веселая, смешливая, но это все осталось в прошлом. Прежде я обожала шутить с сестрами, любила свою работу, вышивание, занятия с детьми. Сейчас мне все опостылело. С этими полицейскими вокруг дома я чувствую себя узницей, даже если я и одержала триумф над своими палачами.

Адвокаты, правозащитники уверяли меня: апелляция занимает много времени — год, а то и два — и все это время я буду в безопасности. Даже те, кого освободили, не посмеют и пальцем пошевелить против меня. Это правда. Говорили, что благодаря моей смелости я представила на всеобщее обозрение

условия жизни женщин в моей стране и теперь другие женщины пойдут моим путем. Но скольких из них поддержат их семьи, как поддержали меня? Скольким выпадет шанс, что журналисты расскажут о них в газете, что организации по защите прав человека мобилизуются до такой степени, что заставят вмешаться само правительство? В долине Инда столько деревень, и в них столько неграмотных женщин. Столько женщин, лишенных чести и средств к существованию, которых их мужья и их семьи отвергнут и оставят без защиты. Это так просто.

Мое желание построить в деревне школу для девочек углублялось. Идея возникла у меня буквально чудом. Я искала способ обучать девочек, дать им смелость учиться. В деревнях матери обычно не делают ничего, чтобы им помочь, потому что они сами ничего не могут. Девочка должна помогать по дому, отцу и в голову не придет отдавать ее в учение. Что узнает она от матери, живя в отдаленной провинции? Как готовить шапати, варить рис или дал, стирать белье и сушить его на стволе пальмы, резать траву, пшеницу, сахарный тростник, готовить чай, укладывать спать младших и ходить за водой на колонку. Мать поступала так, и ее мать делала то же самое до нее. Потом наступает пора выходить замуж, рожать детей, и этот цикл повторяется от женщины к женщине.

Но в городах и даже в других провинциях женщины учатся, становятся адвокатами, учителями, врачами, журналистами. Я их встречала. И они не показались мне недостойными. Они уважают своих родителей, мужей, но они имеют право на собственное слово, потому что они обладают знаниями. Для меня это было просто: надо дать знания девочкам, и начать обучать их следует как можно раньше, до того, как матери примутся воспитывать их по собственному облику и подобию.

Никогда не забуду высказывания полицейского, обратившегося к префекту, когда я хотела дать свои показания:

— Дайте я вам объясню, она не умеет говорить...

Я дала отпор. Потому что у меня есть характер? Потому что я была унижена? Потому что вдруг оказалась свободна от своих слов? Или из-за всего этого вместе взятого?

Но я заставлю девочек научиться читать, и сама научусь. И никогда больше я не подпишу чистый лист бумаги отпечатком своего большого пальца.

В какой-то момент мною овладело желание создать небольшую больницу, потому что я помнила, как страдала моя сестра, умершая от рака из-за отсутствия настоящего ухода. Но такое учреждение стоит гораздо больше, чем школа: надо нанять врача, медсестру, приобрести медикаменты для бесплатной

раздачи — настоящая головная боль. Когда я оказалась перед представительницей правительства, я выпалила «школа» чисто инстинктивно, потому что до этого события я и не помышляла ни о какой школе. В той драме я чувствовала себя скованной по рукам и ногам, бессильной противостоять ходу событий. Если бы я знала, что написал полицейский, все могло бы быть по-другому. Он попытался бы манипулировать мною как-то иначе, но не с этой стороны.

В некоторых районах базовая полиция и высокие функционеры являются заложниками племенных отношений, контролируемых крупными фермерами. В конечном итоге командуют именно они. Я могу считать, что выжила при этой системе благодаря моей семье, средствам массовой информации, проницательному судье и вмешательству правительства. Моим единственным храбрым поступком было то, что я решилась говорить — тогда как меня учили молчать.

У женщины здесь нет твердой почвы под ногами. Когда она живет у своих родителей, она участвует во всем, чего хотят родители. Как только она переезжает к мужу, она начинает выполнять то, что приказывает делать муж. Когда дети вырастают, эстафету принимают сыновья, и она принадлежит им так же, как мужу.

К моей чести, я сумела освободиться от этого подчинения. Свободной от мужа, не имеющей собственных детей, мне оставалась возможность заниматься чужими детьми.

Моя первая школа — с помощью правительства, как и было обещано, — открылась в конце 2002 года. Государство взяло на себя значительную часть работ — расширило дороги, провело электричество, построило канализацию, а я настояла, чтобы была проведена телефонная линия. Я потратила оставшуюся у меня от пятисот тысяч рупий сумму на покупку двух земельных участков, по полтора гектара каждый, рядом с нашим домом. Я даже продала все свои украшения, чтобы начать работу в школе. Девочки поначалу слушали урок, сидя прямо на земле, под деревьями.

Это была моя «школа под деревьями», пока мы ждали строительства подходящего здания. Именно тогда мои маленькие ученицы дали мне прозвище Мухтар Маи (уважаемая старшая сестра). Каждое утро я видела, как они приходят со своими тетрадками и карандашами и учительница созывает их. И этот успех, пусть еще неполный, наполнял меня счастьем. Кто бы мог сказать, что неграмотная дочь крестьянина Мухтаран Биби станет однажды директором школы?

Правительство платило зарплату учителю отделения мальчиков. Другие поступления пришли позже, например из Финляндии: пятнадцать тысяч рупий для обеспечения зарплаты учителя в течение трех лет.

В конце того года, когда моя честь была поругана, я получила премию, которую поместила в рамку и повесила над своим столом в кабинете директора школы.

Всемирный день прав человека
Первая Национальная церемония прав женщины
Международным комитетом по правам человека Премия присуждается госпоже Мухтаран Биби 10 декабря 2002 года

Я на самом деле вошла в мировое сообщество от имени всех пакистанских женщин.

В 2005 году, через два года после открытия, школа работала в полную силу. Зарплаты учителям выплачивались в течение всего года, и я стала подумывать о том, чтобы построить загон для скота, купить быков и коз, чтобы школа имела свой собственный доход.

В какие-то моменты эта задача казалась мне непосильной, но я получила очень хорошую моральную поддержку: я была приглашена одной женской организацией — Women's Club 25 — в Испанию, для участия в международной конференции женщин под председательством королевы Иордании Рани. Впервые в жизни я полетела на самолете, в сопровождении старшего брата. Мы оба были очень смущены, особенно из-за людей, говоривших на незнакомых языках. К счастью, нас очень тепло встретили на пересадке в Дубае и сопровождали до конца путешествия.

Очень многие участницы конференции говорили о насилии над женщинами. Все, о чем я слышала, происходило во многих странах по всему миру, и это убедило меня, что задача была очень трудной. Среди женщин, отвергающих насилие, столько погибших, столько похороненных в песках, без могилы, без почестей. Моя маленькая школа казалась счастливым островком в этом океане горя и несчастий. Крошечный камешек в огромном мире, призванный поколебать мужские воззрения. Знания для горстки девочек будут медленно делать свою работу из поколения в поколение. Научить грамоте девочек, научить мальчиков уважению к их подругам, сестрам, соседкам — это еще так мало.

Но я была в Европе, на лежащей к западу от моей деревни

земле, о которой мне рассказывал дядя, когда я была ребенком, и эти иностранцы знали мою историю! Все было для меня удивительно, я смущалась, не решаясь показать гордость, которую ощущала, просто находясь там, женщина среди других женщин этого огромного мира.

Вернувшись домой, я преисполнилась еще большего желания расширить нашу школу. Моя жизнь обретала смысл, когда я слышала стихи из Корана, но также когда я видела, как под деревьями Мирва-лы дети учат таблицу умножения и английский алфавит. А скоро у нас будут уроки географии и истории. Мои девочки, мои маленькие сестрички будут изучать те же предметы, что и мальчики.

Однако это мое существование шло как бы помимо меня. В действительности у меня не было никого, с кем я могла бы говорить откровенно. Я стала недоверчивой, неспособна была вернуться к прежней жизни — к искренности и спокойствию, веселости и безмятежному течению дней и ночей.

Разумеется, теперь электричество освещало вход в дом, звонил телефон. По правде говоря, он звонил не переставая, потому что меня часто спрашивали из организаций по защите прав человека и из средств массовой информации. И я должна была отвечать. Я постоянно нуждалась в помощи, чтобы осуществить мои планы, касающиеся школы, чтобы дать ей надежную крышу. Через год после драмы, в 2003 году, у меня самой уже не было для этого достаточно средств.

Однажды я услышала в телефонной трубке женский голос:

— Алло? Добрый день, здравствуй, Мухтар. Меня зовут Насим, я из соседней деревни Пирвала. Мой отец полицейский, несет охрану твоего дома. Хотела узнать, как у него дела...

Пирвала находилась в двадцати километрах от меня. Отец Насим был назначен в мою охрану, а ее дядя работал на канале в пяти километрах от нас. Она объяснила мне, что мы в какой-то степени родственницы, потому что наши теги принадлежат к одной семье и обе живут сейчас в Пирвале. Насим вернулась из Алипура, где она начала учиться — это тот город, в котором я впервые встретилась с понимающим судьей. А сейчас она изучает право в Мултане.

Я никогда не видела Насим, а она знала меня только по статьям в газетах. Я послала за ее отцом, чтобы он смог поговорить с ней, а тем временем мы с ней немного поболтали. Затем она позвонила во второй раз, но я как раз отправилась в путешествие в Мекку — мне посчастливилось осуществить это

паломничество. Потом позвонила в третий раз, чтобы пригласить меня к себе. У меня бывало столько народу в то время, что я попросила ее приехать ко мне. Я и не предполагала, что Насим станет не только моей подругой, но и ценнейшим помощником. Она многое читала в газетах, и моя история интересовала ее с юридической точки зрения. В то время, в мае 2003 года, мое дело все еще находилось в апелляционной инстанции Верховного суда. Но если бы ее отец не служил в отделении, осуществлявшем охрану моего дома, мы никогда бы с ней не встретились. Насим была не из тех, кто навязывался, привлеченный моей «общеизвестностью».

С первой встречи Насим показалась мне удивительной женщиной. Совершенной моей противоположностью — активной, живой, не сомневающейся ни в людях, ни в словах, светлого ума и легкого языка. Она сразу сказала мне задевшие за живое слова:

— Ты боишься всего и всех... Если будешь продолжать в том же духе, не сможешь держать удар. Надо реагировать.

Она сумела понять, что я продолжаю держаться каким-то чудом. Мои силы в самом деле были на исходе. Мне потребовалось много времени, чтобы разобраться в некоторых вещах — в том, что говорили обо мне, что может произойти, если суд примет апелляцию семьи мастои. Я все еще опасалась их власти, их отношения ко мне. Полиция меня охраняла, правительство тоже, но Исламабад слишком далеко от Мирвалы... Еще ничего не было известно наверняка. Восемь мужчин клана мастои, находясь на свободе, всегда могут причинить мне зло. Мне случалось вглядываться в темноту, или вскакивать посреди ночи от лая собаки, или вздрагивать, завидев мужской силуэт: вдруг это враг, например кто-то, занявший место полицейского. Каждый раз, покидая дом, я была окружена четырьмя вооруженными полицейскими. Я затаивалась в такси, из которого выходила только вдалеке от Мирвалы. К счастью, мне не нужно было проходить через деревню: наша семейная ферма находилась при въезде, первый дом по дороге, ведущей к мечети. Но в моей деревне большинство домов принадлежало членам семьи мастои. А в местной прессе регулярно появлялись гнусные инсинуации. Я была «богачкой». Имела счет в банке! Я была разведенной, которой лучше бы вернуться к мужу. Мой бывший муж сам распространял ложь о моей жизни, утверждая, что я была «курильщицей гашиша».

Насим считала, что я стала параноиком. Я сильно исхудала, все время была встревожена. Мне надо было с кем-то доверительно поговорить. И вот я нашла такого собеседника. Я наконец решилась рассказать со всей откровенностью об

изнасиловании, о зверстве, об этой варварской мести, разрушающей тело женщины. Насим умела слушать, уделяя мне столько времени, сколько нужно, и тогда, когда мне это было нужно. В развитых странах существуют специальные врачи, способные помочь женщине восстановиться, когда она пала ниже самого низкого. Насим говорила мне:

— Ты как ребенок, начинающий ходить. Это новая жизнь, ты должна начать все с нуля. Я не психиатр, но расскажи мне обо всей твоей прежней жизни: о твоем детстве, замужестве, даже о том, что тебе довелось пережить. Надо говорить, Мухтар, только путем высказывания можно заставить выйти наружу и плохое, и хорошее. Мы таким образом освобождаемся. Это как постирать грязную одежду: как только она стала чистой, ее без опасения можно снова надеть на тело.

Насим решила оставить занятия правом и изучать журналистику как вольнослушатель.

В своей семье Насим была старшей. Четверо ее братьев и сестер также учились. У меня тоже было четверо братьев и сестер. И тем не менее, хотя наши деревни всего в двадцати километрах одна от другой, жизнь у меня и у нее была совсем разная. Она могла сама решать свое будущее. Насим была активна, говорила громким голосом, и если ей было что сказать, не боялась никого. Даже полицейские перед домом, и те смотрели на нее с удивлением.

— Ты всегда говоришь то, что думаешь?

— Всегда!

Она смешила меня. Но и заставляла задуматься о том, что я переживаю внутри себя, не позволяя себе высказаться. Мое воспитание не допускало такого, меня останавливало длительное подчинение. Но у Насим были свои аргументы.

— Мужчины и женщины равны. У нас один долг. Я осознаю, что ислам дал превосходство мужчине, но у нас мужчины пользуются им для того, чтобы полностью подчинить женщину. Ты должна повиноваться отцу, брату, дяде, мужу, в конечном итоге — всем мужчинам деревни, провинции, всей страны!

Насим говорила:

— Я читала о твоей истории в газетах, многие говорили о тебе. Но ты сама? Ты сама говорила о себе? Ты говоришь о своем несчастье с достоинством, но ты захлопнулась, как шкатулка. Твое несчастье — такое же, как у половины наших женщин. Вся их жизнь — горе и подчинение, они никогда не осмеливаются выразить свои чувства и возвысить голос. Если кто-то из них посмеет сказать «нет», она рискует своей жизнью или, в лучшем

случае, быть избитой. Приведу тебе пример. Женщина хочет посмотреть фильм, но муж ей не позволяет. Почему? Потому что хочет держать ее в неведении. Тогда ему проще рассказывать ей что угодно, запрещать что угодно. Мужчина говорит женщине: «Ты должна мне подчиняться, и все!» И она ничего не говорит в ответ. Но я отвечу вместо нее.

Где это написано? А если ее муж кретин? А если муж бьет ее? Она проживет всю свою жизнь, избиваемая мужем-кретином? А он будет продолжать думать, какой он умный?

Жена не умеет читать. Мир воспринимается ею только через мужа. Как же она может сопротивляться? Я не говорю, что все мужчины в Пакистане одинаковы, но им очень трудно доверять. Слишком многие неграмотные женщины не знают своих прав. К несчастью, ты узнала о своих правах только потому, что оказалась единственной, кто должен был заплатить за провинность, якобы допущенную твоим братом, — то есть за провинность, которую ты сама не совершала! Значит, надо продолжать бороться. Но на этот раз ты должна бороться сама с собой. Ты слишком молчалива, слишком закрыта, слишком осторожна, и ты страдаешь от этого! Тебе надо освободиться из тюрьмы, в которую сама себя заключила. Мне ты можешь рассказать все.

И я в самом деле сумела рассказать Насим все. Она знала, конечно, мою историю, но в том виде, что и журналисты, полиция и судья. Событие из газетной хроники происшествий, может быть, чуть более значительное, чем другие.

То, о чем я никогда раньше не говорила, она выслушала с сочувствием и пониманием.

Моральное и физическое страдание, стыд, желание умереть, тот хаос в голове — все, что я испытвала, когда прошла одна по дороге, ведущей к дому, и упала на постель, как умирающее животное. Ей я смогла поведать то, что невозможно было рассказать матери и сестрам, потому что с детства я была приучена только к молчанию.

Рассматривая альбом с фотографиями того времени, я порой не узнаю себя. Тощая, костлявая, с затравленным взглядом, как тогда, когда я впервые встретилась с ответственным сотрудником пакистанской Организации по защите прав человека, базирующейся в Исламабаде. Он приехал ко мне в деревню, и благодаря ему моим планом открытия школы заинтересовалась Канада. На той фотографии я съежившаяся, согбенная, едва осмеливающаяся взглянуть на фотографа.

С тех пор как Насим стала моей сестрой по борьбе, я ощутила уверенность в себе. Щеки у меня округлились, взгляд стал

спокойным, потому что я начала нормально есть и спать.

Собственная боль — секрет, который стыдно выдать, как многим кажется, но это освобождает тело и душу. Я об этом не знала.

Судьба

Я росла, не осознавая, кто я. С такой же душой, что у прочих женщин в доме. Невидимая. Все, что я узнавала, я ловила из обрывочных фраз других. Например, женщина говорила:

— Ты видела, что сделала та девушка? Она обесчестила семью! Она заговорила с парнем! У нее нет больше чести.

Тогда моя мать обращалась ко мне:

— Видишь, доченька, что случилось у этих людей? Такое может и с нами случиться. Будь осторожна!

Даже совсем маленьким девочкам запрещалось играть с мальчиками. Мальчику могло попасть от матери, если он играл в мячик со своей двоюродной сестрой.

Потом, когда дочери становились старше, матери говорили громким голосом, чтобы те могли их слышать. Часто критические комментарии относились, например, к невестке.

— Ты не слушаешься своего мужа! Ты обслуживаешь его недостаточно быстро!

Таким образом младшие, которые еще не были замужем, учились, что надо и что не надо делать. Помимо молитв и цитат из Корана, это было нашим единственным обучением. Нас учили осторожности, беспрекословному повиновению, подчинению, страху, уважению к мужчине. Нас учили забыть о себе.

Ребенком я не была подозрительной. Не была замкнутой, молчаливой. Я много смеялась. Моей единственной собеседницей была бабушка со стороны отца, Нанни, которая меня воспитывала и жила всегда вместе с нами. У нас было привычным доверять ребенка какой-то другой женщине в семье, помимо матери.

Сейчас моя бабушка старая, плохо видит. Она не знает своего возраста, как не знают его мои отец и мать. У меня есть сейчас удостоверение личности, однако бабушка говорит, что мне на год больше, чем написано в документах. Здесь, в деревне, это не имеет никакого значения. Возраст — это жизнь, проходящие дни, время, их составляющее.

Иногда, в период жатвы, кто-нибудь из родственников говорил:

— Теперь тебе десять лет исполнилось!

Но точной даты никто не знал. Могли спутать с предыдущим ребенком или же со следующим. В деревнях не существовало понятия гражданского состояния. Ребенок родился, он живет, растет, вот и все, что учитывается.

Я начала помогать матери или тете во всем, что касалось работы по дому, в возрасте примерно шести лет. Если отец

приносил кукурузу для скотины, я ее рубила. Иногда ходила в поле помогать резать траву. Мой брат Хазор Бахш был занят на жатве, тогда как отец работал в другом месте. У него была небольшая лавка, где он пилил древесину.

Со временем семья увеличилась. У меня появилась сестра, Насим. Другая сестра, Джамаль, к сожалению, от нас ушла. Затем Рахмат и Фатима. Наконец, второй, и последний, сын у моей матери — Шаккур.

Иногда я слышала, как мать говорила, что, если следующим ребенком Бог пошлет ей сына и больше детей у нее не будет, она этим останется довольна. Она как бы признавалась, что родила уже достаточно детей. Но после Шаккура родилась Тасмия, еще одна дочь, последняя.

Между моими братьями разница в возрасте очень большая, но девочки по возрасту ближе друг к другу. Я помню, какие игры мы придумывали с тряпичными куклами, когда у нас было время. Это было очень серьезно. Игра состояла в обсуждении будущих свадеб между куклами. Я брала, к примеру, куклу-мальчика, сестра — куклу-девочку, и начинались такие разговоры:

— Ты хочешь отдать свою дочь за моего сына?

— Хорошо, согласна, но при условии, что ты тоже отдаешь своего сына моей дочери.

— Нет, я не отдам сына. Мой сын уже обручен с дочерью моего дяди.

Используя то, что слышали из разговоров взрослых, мы придумывали воображаемые ссоры вокруг женитьбы, улаживаемые родителями. У нас были куклы, представлявшие «больших» — родителей, старших братьев, даже бабушек — и «маленьких»; в общем, целая семья. Иногда в игре участвовало до двадцати кукол, сделанных из кусочков ткани, собранных по всему дому. Девочек от мальчиков отличала одежда. У мальчиков были брюки и длинные белые рубахи. У девочек на голове платок или шаль. Мы делали им длинные волосы из заплетенных в косу тряпочек. Рисовали лицо, раскрашивали, делали украшения для носа и ушей. Найти что-нибудь для этого было самым трудным, потому что мы могли их мастерить, только используя кусочки расшитой мелкими бусинками ткани или какие-нибудь блестящие предметы, которые взрослые выбрасывали за ненадобностью.

Мы устраивались со всем своим тряпичным семейством в тенечке, подальше от родителей: ведь если мы наблюдали дома перепалку, мы тотчас разыгрывали ее с нашими куклами, и потому совсем не хотели, чтобы нас кто-то слышал! Чтобы уберечь свои сокровища от пыли, мы рассаживали их на

кирпичах. И запутанная история женитьбы могла снова начинаться.

— Ты хочешь жениха для своей племянницы? Он еще не вышел из живота матери!

— Если это будет мальчик, ты дашь его мне; если будет девочка, я тебе отдам своего младшего сына.

— Но твой сын должен жить в моем доме. И он должен принести грамм золота. И серьги!

Рассказывая Насим о свадьбе двоюродной сестры, я смеялась, как не смеялась уже давно. Мне было тогда лет семь-восемь. Это было первое большое путешествие, которое мне посчастливилось совершить. Я поехала со своим дядей в другую деревню, за пятьдесят километров от нашей. Дороги не было, лишь узкая тропка, и к тому же была очень плохая погода, без конца лил дождь. Путешествовали, как обычно, на велосипедах. На трех велосипедах разместилась вся семья. Я сидела на раме дядиного велосипеда. Второй пассажир сидел на руле, а третий на багажнике сзади. Дождь продолжался, но мы были рады, что едем на праздник, что увидим двоюродных братьев и сестер, будем с ними играть.

Во время поездки одна моя тетя, в праздничном платье, с красивыми стеклянными браслетами на руках, упала с багажника. Все ее браслеты разбились, сама она поранилась. Все заволновались, потому что она громко кричала. Ей было больно, она плакала над разноцветными кусочками стекла... Ей перевязывали руки, и тут вдруг дети, глядя на нее, стали смеяться. И потом уже все стали смеяться вместе с ними. Мы хохотали как безумные до конца поездки, которая была долгой! Бедная тетя, она тоже смеялась, со своими браслетами из бинтов.

Некоторое время спустя я рассказала Насим о своей собственной свадьбе.

Несмотря на свою ученость, Насим вынуждена была уважать традиции, и для нее уже давно был выбран муж. Но он не соответствовал ее идеалу. Не желая выказывать неуважение к родителям, она пыталась спокойно, без конфликта избежать этого союза. Ей двадцать семь лет, она учится. Поскольку она никак себя не проявляла, то надеялась, что он сам устанет ждать, покинет ее, встретит какую-нибудь другую девушку. Во всяком случае, она говорила, что будет сопротивляться сколько возможно. Пока что она не встретила идеального мужчину.

Это один из главных традиционных запретов. Девушка не имеет права выбирать сама. Рискнувшие сделать

самостоятельный выбор подвергались угрозам, унижению, избиению, некоторые даже были убиты, хотя новые законы в принципе должны уважать выбор женщины. Но в каждой касте свои традиции, и исламский закон не позволяет такого. Пары, образовавшиеся в силу собственного выбора, испытывают огромные трудности, чтобы доказать легальность своего брака. Так, женщина может быть обвинена в *зина,* греховном деянии, охватывающем прелюбодеяние, внебрачные отношения, а также изнасилование. За это она может быть приговорена к смерти путем побивания камнями, даже притом, что данный вид казни запрещен. Мы постоянно находимся между двумя различными юридическими системами: религиозной и официальной. Да еще не надо забывать, что они обе усложняются клановыми, племенными отношениями, со своими собственными правилами, совершенно не считающимися с официальными, а порой и с религиозными законами.

С разводом тоже очень сложно. Лишь муж может предоставить развод. Когда женщина начинает процедуру развода в государственном суде, семья ее мужа может счесть себя «обесчещенной» и назначить «наказание». К тому же судебные процедуры не всегда приводят к судебному решению.

В моем случае все проходило по-другому, но я добилась результата, на который надеялась. Тогда мне было восемнадцать лет.

Моя сестра Джамаль пришла и весело шепнула мне на ухо:

— Семья твоего жениха уже здесь.

Я разрывалась между чувствами радости и стыда. Радости, оттого что я выйду замуж, моя жизнь изменится, и стыда, потому что моя сестра смеялась, кузины шутили, и я поже должна была подшучивать над этой великой новостью. Словно меня это вовсе не интересовало.

— Твой принц тоже здесь!

— Да шел бы он куда подальше!

Во всяком случае, все происходило где-то там, между мужчинами. Собрались все дяди, братья, родные и двоюродные, из обеих семей, моей и будущего мужа. Кто-то предложил дату, и начался спор, потому что надо было выбрать, чтобы этот день всем подходил. При этом следовало учитывать фазы Луны, период жатвы, обычаи. Кто-нибудь мог сказать:

— Только не пятница, в этот день женится другой кузен.

— Тогда в воскресенье.

Другой возражал:

— Нет, воскресенье не подходит, в этот день моя очередь брать воду для полива, я буду занят.

В конце концов, назначили дату, на которую согласились все мужчины. Женщины не имеют права голоса. Не говоря о невесте.

Вечером глава семьи возвращается домой, объявляет новость своей жене, и таким образом одна из дочерей узнает, что такого-то числа она выходит замуж. Я не помню точно ни день, ни месяц своей свадьбы. Знаю только, что день был назначен за месяц до Рамадана.

Когда я узнала, о ком идет речь, я попыталась его вспомнить. Я наверняка могла случайно с ним встретиться на дороге или во время какого-нибудь торжественного события. Я вспомнила, что он сильно хромает, как те, кто переболел полиомиелитом. Разумеется, никаких комментариев с моей стороны не последовало. Я просто сказала себе: «Ах, вот это кто!»

Однако меня охватило беспокойство. Это не отец выбрал мне мужа, а мой дядя. И я спрашивала себя, почему он выдает меня замуж за этого человека. Почему решил отдать ему свою племянницу? Лицо у него было довольно приятное, но я его совсем не знала, и он был хромой!

Насим спросила меня, нравился ли он мне, несмотря ни на что. Я не привыкла отвечать на подобные вопросы, но она, смеясь, настаивала.

— Не слишком. Если бы я могла сказать «нет», я бы так и сделала.

Я ничего не знала о нем, кроме того что его родители уже умерли. И что он пришел к нам в дом со своим старшим братом. Как только назначили дату свадьбы, я автоматически стала невестой. И на меня посыпались советы всех женщин, традиционно и неизменно одни и те же.

— Ты уйдешь к мужу, постарайся не посрамить чести своих родителей, своей семьи.

— Делай все, что он тебя просит. Уважай его семью...

— Ты являешься его честью и честью его семьи, уважай их...

Матери не рассказывали нам ни о чем. Предполагалось, что мы и так знаем, что происходит во время брака. Меня не страшила мысль о подчинении мужу, ведь так вели себя все женщины в Пакистане. Это загадка, почему замужние женщины не делятся своим опытом с девушками. А мы не имеем права задавать вопросы. Во всяком случае, выйти замуж, наплодить детей — обычное дело. Я видела, как женщины рожают, я знаю все, что должна знать. В других странах говорят о любви, о ней поют в песнях, но это не для меня. Однажды я видела фильм по телевизору моего дяди — очень красивая женщина, сильно накрашенная, заламывала руки и тянулась к мужчине, заставлявшему ее плакать. Я не понимала, что она говорила на

урду, но мне показалось, что она уж слишком выставлялась напоказ.

У нас все было очень просто, все заранее известно. Мои родители занимались приданым, в течение нескольких лет мать понемногу откладывала разные мелочи: украшение, белье, одежду. Мебель изготовили в последний момент. Для меня отец заказал кровать. В день свадьбы, согласно традиции, я надела наряд, купленный мне женихом. Я не могла одеться по-другому. У нас наряд невесты — красный. Это очень символично и очень важно. Перед церемонией невеста должна заплести волосы в две косы, и за неделю до свадьбы женщины из семьи жениха приходят, чтобы их расплести, и приносят ей еды на целую неделю. Хотя я не знала, чему служит этот двойной ритуал, я делала как все. И в день моей свадьбы волосы у меня были волнистые.

Затем наступил день *мехнди,* черед красить хной ладони и ступни. Женщины из моей будущей семьи сами наложили мне хну. После этого душ и одевание. Шальвары, длинная туника, большая шаль — все красное. Для этого случая я надела паранджу. Я уже надевала ее, чтобы выходить из дома и идти навещать родственников, я привыкла. Иногда я выходила из дома в парандже, но, отойдя подальше, снимала ее и шла с открытым лицом. Однако, если замечала кого-то из родственников, я ее снова надевала из уважения к ним. Она не мешает видеть, потому что отверстия для глаз гораздо больше, чем, к примеру, у паранджи, которую носят в Афганистане. Конечно, это не очень удобно, но здесь ее носят только до свадьбы. Выйдя замуж, большинство женщин от нее отказывается.

Мой дед со стороны матери, у которого было несколько жен, всегда говорил:

— Ни одна из моих жен не носила чадру. Если она хочет ее носить, это ее право, но тогда надо, чтобы она ее носила до конца своих дней.

Обычно имам заключает союз в день *мехнди,* но иногда и в день свадьбы. У меня это был день *мехнди.* Когда имам спросил меня, согласна ли я взять в мужья мужчину, который находился тут же, я была под таким впечатлением, что не смогла ответить. Не могла вымолвить ни слова. Но имам повторил вопрос.

— Ну, так что? Отвечай, отвечай!

Женщины наклонили мою голову в знак того, что я говорю «да», и добавили:

— Она очень скромная, но она говорит «да», все в порядке.

После трапезы с рисом и мясом, в течение которой я не проглотила ни кусочка, надо было дождаться прибытия семьи

мужа, чтобы отвезти меня. Тем временем были исполнены еще кое-какие ритуалы.

Надо было, чтобы мой старший брат вылил мне на голову немного масла и надел на руку браслет из расшитой ткани. Одна из женщин держала кастрюльку с маслом, а брат должен был дать ей монетку, потому что она обслужила его первым. Затем все члены семьи по очереди опускали пальцы в кастрюльку и мазали мне голову маслом.

Теперь муж мог войти в дом. Я с ним еще не встречалась, и он не видел под паранджой моего лица. Я ждала, сидя в окружении сестер и кузин. Им надлежало всячески мешать ему войти, пока он не даст им денежную купюру. Как только они получили деньги, муж мог войти в дверь. Он сел рядом со мной, и мои сестры поднесли ему на подносе стакан молока. Он выпил, поставил пустой стакан и опустил в него еще купюру. Затем продолжился ритуал с маслом, на этот раз несколько видоизмененный. Женщина, державшая кастрюльку, намачивала куски хлопковой ваты в масле и бросала их в лицо жениху со словами:

— Вот тебе цветочки!

Наконец, она вложила кусочек хлопка в мою правую ладонь, и я стиснула кулак изо всех сил, а мой муж должен был постараться его разжать. Это некое испытание силы: если ему удастся раскрыть мою ладонь, ну что ж, тем хуже для меня, он выиграл. А если не удается, то все начинают смеяться и подшучивать:

— Э, да ты не мужчина, ты даже кулак не можешь разжать!

В этом случае он обязан спросить меня:

— Скажи, чего ты хочешь.

— Если хочешь, чтобы я открыла ладонь, то должен подарить мне драгоценность.

Новобрачная может опять начать эту игру, женщины снова дают ей кусочек хлопкового волокна, а муж снова пытается достать его. Обычно сестры, кузины, все женщины вокруг подбадривают молодую жену криками:

— Проси у него то, проси это, а теперь вот это...

Я сжала руку, и он не смог открыть, во второй раз — он опять не сумел; женщины были разочарованы и выражали свое неодобрение.

Не знаю, имеет ли этот ритуал какое-то символическое значение или новобрачный объявляется неудачником, потому что он обязательно должен подарить украшение. Но борьба происходит по-настоящему. И чтобы победить, нужна сила.

Также девушки пели песни, адресованные старшему брату.

Именно он, символически, отдает свою сестру за другого мужчину, именно его девушки в семье любят и уважают больше всех, после отца.

Не помню точно, что девушки пели моему брату, может быть, вот такие слова:

Я смотрю на юг,
Он мне кажется таким далеким.
Вдруг появляется мой брат,
У него очень красивые часы,
Он шагает гордо...

Такого рода наивные песнопения, вероятно, скоро исчезнут, ведь по радио девушки слышат совсем другие мелодии. Но уважение и любовь к старшему брату останутся.

Вся семья радовалась, и я тоже, потому что это был праздник. Но в то же время я была охвачена страхом и грустью, ведь я должна была покинуть дом, где провела двадцать лет. Все кончено, я теперь больше не буду по-настоящему дома. Прощайте, детские игры, подружки, братья, сестры; сейчас я сделаю шаг, и все останется позади. Будущее меня тревожило.

Муж встал. Кузины подхватили меня под руки, помогая подняться, в соответствии с традицией. Они повели меня к большой повозке, которую тянул трактор. И, снова по традиции, мой старший брат поднял меня на руки, чтобы усадить сзади.

Перед дверью дома, где жил муж, ждал маленький ребенок. Он должен был взять мужа за руку и ввести внутрь. Мне дали в руки *мандхани,* инструмент, с помощью которого сбивают масло, и я вошла в свою очередь.

Последний традиционный ритуал — снятие паранджи. *Гхунд холави.* Я должна была снять паранджу только после того, как муж одарит деньгами маленьких девочек, которые его поддразнивали, говоря:

— Ну, давай, давай, не снимай гхунд, пока он не даст нам двести рупий...

— Нет, нет, пятьсот рупий...

— Нет, нет, не снимай гхунд, пока он не даст нам тысячу рупий...

Муж сбил цену до пятисот рупий. В то время это была немалая сумма. Можно купить козленка.

И вот, наконец, он увидел мое лицо.

В комнате, где мы должны были спать, стояло четыре кровати. Мы будем не одни.

Три ночи я провела в доме брата моего мужа, пока не вошла в

дом мужа — в единственную комнату. Но потом он захотел вернуться к брату, он не мог жить без него! К несчастью, жена брата не выносила меня. Она без конца выискивала что-то, придиралась, упрекала меня в том, что я ничего не делаю, и при этом все время мешала мне что-либо делать.

Поскольку брачный контракт, составленный моей семьей, предусматривал, что мой муж будет жить у нас, я вернулась домой через месяц после этой странной свадьбы, но он со мной не пошел. Он хотел своего брата, он отказывался работать с моим отцом; я даже задавала себе вопрос, хотел ли он меня, потому что я без труда добилась, чтобы он дал мне *талак* — развод, в соответствии с которым он меня «освобождал». Я вернула ему все украшения. Я была свободна, пусть даже разведенная женщина по нашим традициям не пользуется уважением. Я должна была жить с родителями — жить одной женщине невозможно, иначе она приобретала плохую репутацию. Я работала, помогала своей семье. Благодаря преподаванию детям Корана, которое я осуществляла на общественных началах, и урокам вышивания, которые я давала деревенским женщинам, я снова обрела свое счастье, меня уважали жители деревни, моя жизнь вернулась в спокойное русло.

До того проклятого дня, 22 июня.

Система племенного правосудия в виде джирги восходит к обычаям предков, не соответствующим религии и закону. Само правительство, обратив внимание на это несоответствие, порекомендовало губернаторам провинций и полиции «в обязательном порядке» регистрировать в так называемом первичном протоколе информацию, позволяющую расследовать дела по преступлениям во имя чести. Следовало не допускать, чтобы виновные ссылались на вердикт джирги, оправдывая совершенные гнусности или кровавые преступления.

И этот первичный протокол, как случалось со многими другими, я подписала в виде чистого листа! Местная полиция взяла на себя труд изложить мою жалобу на свое усмотрение ради того, чтобы избежать неприятностей с главенствующей кастой.

Мужское малодушие, подлость, несправедливость. Считается, что в деревенских советах мужчины, собирающиеся ради урегулирования семейных конфликтов, — люди мудрые, а не бессовестные и жестокие. В моем случае возбужденный и заносчивый молодой человек, движимый лишь жестокостью и желанием причинить зло, увлек за собой всех остальных. Более взрослые, умудренные жизнью мужчины оказались в меньшинстве.

А женщины испокон века были от собраний отстранены. Притом что именно они, матери, бабушки, ведущие повседневное хозяйство, знают все семейные проблемы, как никто другой. Презрение мужчин к их умственным способностям держит их поодаль. Даже не смею мечтать, что когда-нибудь, пусть очень нескоро, в деревенском собрании примут участие женщины.

Что еще хуже, именно женщины служат разменной монетой, когда требуется урегулировать спор и понести наказание. А наказание всегда одно и то же. Поскольку сексуальность — табу, поскольку честь мужчины в нашем обществе — это как раз женщина, то за разрешение конфликта платят насильным замужеством или изнасилованием. Но Коран не учит такому.

Поначалу такого рода решения были призваны гасить конфликты между племенами и кастами благодаря смешению.

В реальности все по-другому. Если бы отец и дядя согласились отдать меня замуж за мастои, моя жизнь превратилась бы в ад. Выданная замуж при таких условиях, женщина подвергается еще более грубому обращению, она отвергнута другими женщинами, фактически находится в рабстве.

Еще хуже бывает, когда насилие совершается для урегулирования материальных счетов либо из-за банальной ревности между двумя соседями. А когда женщины пытаются добиться справедливости, их же обвиняют в том, что они совершили супружескую измену или спровоцировали недозволенные законом отношения!

Но моя семья все же отличается от большинства других. Я не знаю истории касты гуджар в Пенджабе, не знаю, откуда пришло мое племя, каковы были его традиции и обычаи до разделения Индии и Пакистана. Наше сообщество одновременно воинственное и сельскохозяйственное. Мы говорим на редком диалекте, встречающемся на юге Пенджаба — сараики, — тогда как официальным языком в стране является урду. Многие грамотные пакистанцы говорят на английском. Я не говорю ни на том, ни на другом.

Насим теперь была моей подругой, она знала обо мне абсолютно все, и если я все еще опасалась мужчин, то у нее этого страха не было.

Самое важное, что я открыла для себя с ее помощью, не считая необходимости обучения девочек, предоставления им возможности открытия внешнего мира благодаря умению читать и писать, — это представление о самой себе как о человеке. Я научилась уважать себя как женщину. До этого мое несогласие,

возмущение было инстинктивным, я действовала так, чтобы выжить, и ради моей семьи, которой грозила опасность. Что-то во мне отказывалось смириться. Иначе я бы поддалась искушению свести счеты с жизнью. Каким образом подняться после надругательства? Как преодолеть отчаяние? Сначала от желанной смерти спасает злость, инстинкт отмщения. Эти чувства помогают восстановиться, ходить, действовать. Прибитый грозой колос пшеницы может либо подняться, либо сгнить на корню. Сначала я поднялась сама, но постепенно стала осознавать свое существование как человека, осознавать свои законные права. Я верующая, я люблю свою деревню, люблю Пенджаб, но я хочу, чтобы в моей стране у всех обиженных женщин, у девочек будущих поколений был другой статус. Я не была воинствующей феминисткой изначально, хотя многие средства массовой информации представляли меня таковой. Я стала ею в силу опыта, потому что выжила, я, простая женщина в мире, где правят мужчины.

Но презрение к мужчинам — не то, что нужно для повышения самоуважения.

Надо пробовать бороться с ними на равных.

А в Мирвале время течет своим чередом

Моя деревня находится в районе Муззаффаргар. До сих пор она была никому не известна, затерянная в долине Инда на юге Западного Пенджаба. Полицейский участок имеется в Джатое, в пяти километрах. Ближайшие крупные города — Дера Гази Хан и Мултан, примерно в трех часах езды на машине по дороге, запруженной огромными грузовиками, перегруженными мотоциклами и тяжелыми повозками. У нас в деревне нет торговых точек и до последнего времени не было школы.

Основание школы вызвало интерес жителей. Сначала это было осторожное любопытство, и у меня было всего несколько учеников. С помощью Насим надо было обойти дома и убедить родителей доверить нам своих дочерей. Перед нами не захлопывали двери, но отцы давали понять, что девочки созданы для дома, а не для учебы. У мальчиков было больше возможностей. Те, кто не работал в поле, ходили в школу в соседнюю деревню, и никто им не препятствовал.

Эти дипломатические демарши заняли у нас немало времени. Разумеется, речь не шла о том, чтобы наведаться в дом мастои. Старшие сыновья сидели в тюрьме «из-за меня». И если бы полиция оставила меня хоть на день без охраны, я знала, они бы этим воспользовались. Они говорили всем, кто хотел слушать, что будут мстить мне и моей семье.

Строительство школы вначале зависело от наших средств. Здание должно было быть простым и светлым. Школьная мебель появилась позднее, и, к сожалению, несколько детей, самых маленьких, были вынуждены сидеть прямо на полу. К счастью, мне удалось купить большой вентилятор, который спасал детей от жары и мух.

Поначалу у нас была только одна учительница, но благодаря статье, написанной Николя Кристофом для «Нью-Йорк таймс» и появившейся в декабре 2004 года, школа привлекла внимание Верховного комиссара Канады в Исламабаде, госпожи Маргарет Хубер. Канада сотрудничает с Пакистаном в области образования, здравоохранения и управления с 1947 года. Изменения в политическом устройстве не помешали поддерживать это сотрудничество, которое опирается на помощь местных общественных организаций. Эта страна вложила миллионы долларов в развитие нашего образования и здравоохранения.

В итоге представитель пакистанской Организации по защите прав человека Мустафа Балош приехал в Мирвалу, чтобы ознакомиться с положением дел в школе. А в начале 2005 года сама госпожа комиссар пожаловала к нам в деревню в сопровождении журналистов, дабы собственноручно передать мне чек на 2,2 миллиона рупий — вклад ее страны в строительство школы.

Эта дама приветствовала меня за мою отвагу, за ту борьбу, в которую я вступила ради равенства женщин и их прав, за мою волю посвятить жизнь не только справедливости, но и образованию.

Я уже получила пятьсот тысяч рупий от пакистанского правительства, частные пожертвования из Соединенных Штатов. Занятия проходили теперь не под деревьями, у нас было прочное здание. С помощью дара CIDA[3] я смогла платить зарплату пяти учителям в течение года, построить кабинет дирекции, создать небольшую библиотеку, обустроить два помещения для занятий, отдельно для девочек и мальчиков. Для снижения расходов я закупила древесину и наняла плотников и столяров, чтобы изготовить столы и стулья.

И наконец, я начала строительство загонов для коз и коров, чтобы иметь постоянный доход и не зависеть от спонсоров. Потому что иностранные поступления не будут вечными.

У меня было уже порядка сорока — сорока пяти учениц, и посещение школы было бесплатным как для девочек, так и для мальчиков.

К концу 2005 года я могла гордиться своими успехами: школу посещали сто шестьдесят мальчиков и более двухсот девочек. Что касается девочек — это была настоящая победа!

Но оставалось еще убедить родителей, чтобы дети ходили в школу постоянно. Очень часто детей, особенно старших, нагружали хозяйственными обязанностями. Тогда мы придумали учредить премию за посещаемость тому или той, кто не пропустил ни одного дня в классе. Премия будет вручена в конце года: мальчику — велосипед, девочке — коза.

В настоящее время у меня небольшое «поместье», состоящее из старого дома моих родителей, в котором я родилась и живу до сих пор. Возле той части дома, где расположены комнаты для женщин, большой двор. Сейчас у нас большая площадка под открытым небом и четыре класса для девочек. В школе пять учительниц для девочек, получающие зарплату из внешних источников, и один учитель для мальчиков, которого оплачивает государство. Возможно, настанет день, когда государство примет на себя выплату заработной платы учителям-женщинам, будем

надеяться...

У нас просторный кабинет с библиотекой — небольшой, но достаточной для нас, — где я храню важные документы, классные журналы и учебники. Во дворе установлен бачок с питьевой водой для всех и мужской туалет. Также там имеются насос для хозяйственной воды и очаг.

Насим — куратор школы, Мустафа Балош — технический консультант по вопросам строительства и организации. CIDA регулярно проверяет ход работ. Все функционирует. Я являюсь директором школы для девочек моего района, покрытого плантациями сахарного тростника, пшеничными полями и финиковыми пальмами. Центр деревни находится в конце проселочной дороги. Из двери моего кабинета я могу видеть мечеть, а позади дома, пройдя через загон для коз, ферму мастои. Их дети регулярно приходят посидеть в школе, и мальчики, и девочки, и я никогда не получала прямых угроз. В школе царят мир и спокойствие.

Здешние дети принадлежат ко многим племенам, среди которых есть касты высшие и низшие. Но в их возрасте конфликты не проявляются. Особенно среди девочек. Я никогда не замечала, чтобы между ними вспыхивали подобные ссоры. Классы мальчиков специально удалены от моего маленького «поместья», чтобы девочки по дороге не встречались с мальчиками.

Каждый день я слышу, как девочки отвечают урок, вижу, как они бегают по двору, резвятся, смеются, разговаривают под навесом. Их голоса умиротворяют меня, питая мои надежды. Теперь моя жизнь обрела смысл. Эта школа должна существовать, и я продолжу бороться за нее. Через несколько лет девочки получат достаточный объем знаний, чтобы по-другому смотреть на свою жизнь, и я очень на это надеюсь.

Потому что со времени, когда со мной случилась та история, сделавшая мою деревню известной во всем мире, преступления против женщин не прекратились. Каждый час в Пакистане женщины подвергаются насилию, их бьют, жгут кислотой, они погибают от «случайного» взрыва газового баллона... Комиссия по правам человека в Пакистане только в одной провинции Пенджаб зарегистрировала сто пятьдесят случаев насилия за последние шесть месяцев. Женщины регулярно обращаются ко мне за помощью. Насим дает им юридические советы, рекомендует никогда не подписывать никаких документов без свидетелей и обращаться в ассоциации защиты женщин.

Насим ввела меня также в курс нескольких дел,

освещавшихся в прессе, — я научилась читать, могу подписаться, написать небольшую речь, но Насим читает гораздо быстрее меня!

> «Зафран Биби, молодая женщина двадцати шести лет, была изнасилована братом своего мужа и забеременела. Она не отказалась от ребенка и в 2002 году была приговорена к смерти путем побивания камнями, потому что ребенок представляет собой доказательство *зина,* греха прелюбодеяния. Насильник не был допрошен. Она находится в тюрьме г. Кохат, на северо-западе Пакистана, куда муж регулярно приходит ее навещать. Он требует ее освобождения. Женщина не будет побита камнями, но рискует провести многие годы в заключении, в то время как ее насильник огражден законом».

> «Молодая женщина вышла замуж по любви — иначе говоря, решила выйти замуж за того, кого любит, против воли своей семьи и семьи жениха, который ей был предназначен раньше. Жених счел ее в связи с этим „плохо воспитанной“. Два брата женщины убили ее мужа во время семейного собрания, чтобы наказать его за то, что он замарал честь семьи».

Ни одна девушка не имеет права думать о любви, выйти замуж за мужчину, которого она пожелает. Даже в более образованных кругах женщины должны уважать выбор родителей. И неважно, что этот выбор был сделан еще до их рождения. В последние годы джирга приговаривает молодых женщин за желание свободно выйти замуж, в то время как исламский закон это дозволяет. Но функционеры предпочитают встать на сторону племенных законов, вместо того чтобы защитить женщин. Самое простое для «обесчещенной» семьи — это заявить, что свободно избранный супруг изнасиловал их дочь.

Фахимуддин из касты мухаджир и Хаджира из касты манзай поженились. Отец Хаджиры был не согласен. Он подал жалобу об изнасиловании дочери. Супругов арестовали, но на процессе Хаджира заявила, что изнасилования не было, что имелось ее согласие. Суд отправил ее в центр защиты женщин, пока не будет вынесен приговор о ее судьбе. В тот день, когда пара выиграла

дело и покинула здание Верховного суда в Хайдарабаде, перед ними появилась группа мужчин, среди которых были отец молодой женщины, ее брат и дядя. Они убили обоих и пытались скрыться с места преступления на рикше.

Смешанные браки — редкость, но Насим рассказала мне о случае, когда женщина-христианка вышла замуж за мусульманина, приняв ислам. У них была дочь, ее звали Мария, и ей было уже семнадцать лет. Однажды к ним в дом пришел один из родственников и заявил, что его жена больна и требует к себе Марию. После этого девушка исчезла. Мать искала ее, но безрезультатно. В течение нескольких месяцев девушка была заперта в комнате, еду ей приносила какая-то старуха, сама она не имела понятия, почему ее держат в заточении. В конце концов вооруженные мужчины в сопровождении мусульманского священника заставили ее подписать два документа: один о браке, а другой о том, что она принимает мусульманство. Мария получила новое имя Калсум. Затем ее отвезли в дом мужа, экстремиста, заплатившего двадцать тысяч рупий за ее похищение. Там она очутилась в другой тюрьме, под надзором всех женщин дома, которые плохо с ней обращались, третировали и оскорбляли ее, потому что она была христианкой. Несчастная девушка родила ребенка и попыталась убежать в первый раз, но была жестоко избита. В конце концов, когда она была снова беременна, она воспользовалась тем, что двери оказались плохо заперты, и ей удалось убежать, после трех лет тюрьмы. Она укрылась в доме своей матери. Однако муж Марии был влиятельным человеком. Он отказался дать развод и требовал вернуть ребенка. Мария была вынуждена жить, скрываясь от мужа, потому что адвокат, специализировавшийся на подобных разводах — когда супруги принадлежат к различным конфессиям, — отказался вести дело. Перед тем он предупредил мать и дочь, что они находятся в опасности, поскольку семья этого человека очень влиятельна. Муж заплатил головорезам за ее поимку. Адвокат предлагал единственный выход — найти ей убежище.

История этой девушки, родившейся в смешанной семье, получила огласку. В рапорте Комиссии по правам человека говорилось, что в Пакистане, в провинции Пенджаб, было похищено двести двадцать шесть несовершеннолетних девочек с целью насильно выдать их замуж. Обычно при первом же отказе со стороны семьи девочки другая семья активно ищет способ «все устроить». Отказ расценивается как покушение на честь семьи и часто провоцирует смертельную обиду. Обе семьи предстают перед джиргой, чтобы урегулировать проблему. Если конфликт

привел к смертям с обеих сторон, то платить приходится либо деньгами, либо одной-двумя женщинами — в зависимости от принятого решения. Насим сказала: мы ценимся меньше, чем козы, меньше, чем стоптанные башмаки, которые мужчина выбрасывает и приобретает новые по своему желанию, если считает, что те износились.

Например, чтобы урегулировать дело об убийстве, джирга приняла решение: «присудить» семье жертвы двух девочек, одиннадцати и шести лет. Старшая была выдана замуж за мужчину сорока шести лет, младшая отдана брату убитого, восьмилетнему ребенку. И обе семьи согласились с таким обменом, несмотря на то, что убийство случилось по глупой причине: ссора между соседями возникла из-за громко лающей собаки.

Очень часто судьи джирги считают, что наилучший способ погасить в деревне убийственную ненависть — это отдать одну или двух девушек замуж, чтобы между врагами возникли родственные связи.

Однако решение джирги — это результат сделки. Данное собрание играет роль миротворца, объединяет людей, чтобы урегулировать конфликт с согласия сторон, но не приводит к справедливости. Это принцип «око за око». Если клан убил двух мужчин, другой имеет право убить двоих из того клана. Если женщину изнасиловали, то ее муж, отец или брат имеют право насиловать в отместку.

Большинство конфликтов, не задевающих чести мужчины, регулируются денежными выплатами, вплоть до случаев убийства. Что избавляет полицию и официальную юстицию от многочисленных дел. Нередко случается — и я, возможно, тому доказательство, — что древние споры по поводу земель, захваченных племенем, превращаются таинственным образом в «дело чести», которое проще уладить на совете, и при этом не расходуется ни одна рупия.

Большая проблема для женщин состоит в том, что их никто ни о чем не ставит в известность. Они не участвуют в обсуждении. Совет деревни объединяет только мужчин. Является ли женщина предметом спора или служит мерой компенсации, она в принципе остается в стороне. Ей объявляют, что сегодня или завтра ее отдают в такую-то семью. Или, как в моем случае, что она должна просить прощения у такой-то семьи. Как говорила Насим, драмы и конфликты в деревне — это настоящие запутанные узлы, которые советы распутывают без оглядки на официальные законы и тем более на права человека.

В январе 2005 года, когда я уже в течение двух лет ожидала приговора апелляционного суда в Мултане, на первые полосы газет попало еще одно дело, которое комментаторы охотно связывали с моим, хотя оно было совершенно иным.

Доктор Шазия, тридцатидвухлетняя образованная женщина, замужняя, мать семейства, работала на предприятии компании «Пакистан петролеум лимитед» в Белуджистане. В тот день, 2 января, ее муж находился за границей. Она была одна в доме, частном владении, закрытом и охраняемом, потому что сектор эксплуатации компании ППЛ находился в очень изолированной племенной зоне.

Она спала, когда в ее комнату проник неизвестный мужчина и изнасиловал ее.

Продолжение этой истории она рассказала сама.

«Я отбивалась, но он держал меня за волосы, я кричала, однако никто не мог прийти на помощь. Я пыталась дотянуться до телефона, но он ударил меня трубкой по голове. Он пытался удушить меня телефонным проводом. Я стала умолять его:

— Ради Бога, я не сделала вам ничего плохого, за что вы так со мной?

Он ответил:

— Лежи спокойно! За дверью стоит человек с канистрой керосина, будешь орать — он сожжет тебя!

Он изнасиловал меня, завязал мне глаза моим платком, ударил меня прикладом ружья и изнасиловал второй раз. Затем он завернул меня в одеяло, связал руки телефонным проводом и на какое-то время уставился в телевизор. Я слышала английские слова».

Доктор Шазия потеряла сознание. Потом ей удалось освободиться, и она побежала укрыться в доме медсестры.

«Я была не в состоянии говорить: она все сразу поняла. Пришли врачи из ППЛ. Я ждала, что они займутся моими ранами, но они ничего не стали делать, наоборот. Они дали мне успокоительное и скрытно отправили самолетом в психиатрический госпиталь в Карачи, посоветовав мне не искать контактов со своей семьей. Все же я смогла предупредить брата, и 9 января полиция зарегистрировала мою жалобу. Служба военной разведки заверила меня, что виновный будет арестован в течение двух суток.

Нас с мужем разместили в другом доме и запретили выходить. Президент сказал по телевизору, что моя жизнь в опасности. Еще хуже было то, что заявил дед моего мужа: что я якобы *кари* — пятно на семье, и что мой муж должен со мною развестись, а меня надо вышвырнуть из семьи. Я знала, что он

пытается убить меня. Я хотела сама покончить жизнь самоубийством, но муж и сын помешали мне. Затем мне убедительно посоветовали, чтобы я подписала заявление, говорящее, будто я получила помощь от гражданских властей и не хочу дальнейшего расследования дела. Мне сказали, что если я не подпишу, то велика вероятность, что мы с мужем будем убиты. Лучше покинуть страну и не добиваться никаких объяснений у ППЛ, поскольку мы столкнемся с многочисленными трудностями. Мне также настоятельно советовали не вступать в контакт с правозащитными и гуманитарными организациями».

Дело получило огласку в Белуджистане, где рабочие регулярно проявляли враждебность к добыче газа в своем регионе. Ходил слух, что насильник доктора Шазии принадлежал к военным, они атаковали военную часть сектора. Говорили, что было убито около пятнадцати человек и повреждены газовые установки.

Доктор Шазия теперь живет где-то в Англии, в пакистанском сообществе, достаточно строгом, и ей там приходится нелегко. Муж поддерживает ее, но, к их большому огорчению, они были вынуждены оставить в Пакистане сына — ему не было разрешено последовать за родителями. Они потеряли свою жизнь, свою родину; единственная их надежда — добиться разрешения иммигрировать в Канаду, где у них есть родственники.

Комментируя этот случай, Насим всегда говорила прямо:

— Каким бы ни был социальный статус женщины, неграмотная или образованная, она является жертвой насилия и запугивания. По отношению к тебе это было: «Ставь сюда отпечаток пальца, мы сами напишем, что надо!» В случае с ней: «Подпишите здесь, иначе умрете!»

И еще она сказала:

— Будь то крестьянин или военный, мужчина насилует кого хочет и когда хочет. Он знает, что в большинстве случаев будет под покровительством системы — политической, племенной, религиозной или военной. Мы не готовы еще открыть женщинам доступ к их законным правам. Скорее наоборот. Женщины-активистки воспринимаются плохо. В худшем случае нас принимают за опасных революционерок, в лучшем — за возмутительниц порядка, установленного мужчинами. Тебе ставят в упрек, что ты обратилась к женщинам-активисткам, в некоторых газетах даже говорилось, что тобой манипулируют журналисты и неправительственные организации. Словно ты сама недостаточно умна, чтобы понять, что единственный способ добиться справедливости — это требовать ее громко и отчетливо.

Я превратилась в борца. В икону, в символ борьбы женщин моей страны.

Я слышала, что Академия искусств в Лахоре поставила театральный спектакль, поводом для чего послужила моя несчастная история. Содержание пьесы не является точным воспроизведением того, что произошло со мной. Там речь идет о дочери землевладельца, влюбившейся в молодого человека, образованного, но сына крестьянина. Кто-то увидел их, держащихся за руки, последовал вердикт джирги: для восстановления чести землевладельца сестра молодого крестьянина будет отдана сыну богача. Юная крестьянка кончает с собой, ее мать также. Молодой человек сходит с ума и тоже сводит счеты с жизнью.

Прежде чем умереть на сцене, молодая актриса, играющая «мою» роль — женщины, которой располагают, как вещью, — задает вопрос и хочет узнать: неужели в ее стране родиться девушкой и быть бедной является грехом? Она восклицает:

— Разве арест виновных вернет мне мою честь? Сколько еще таких девушек, как я? Больше, чем самоубийство, мне вернет честь, желание справедливости.

Потому что нельзя чувствовать себя виновной за преступления других.

К сожалению, слишком мало женщин имеют шанс обратиться к прессе и организациям, защищающим права человека.

В октябре 2004 года сотни активистов и представителей гражданского общества собрались на демонстрацию, чтобы потребовать улучшения законодательства, касающегося преступлений во имя чести. Мой адвокат также принимал в ней участие. Уже давным-давно правительство обещает запретить преступления во имя чести, но тем не менее до сих пор ничего не сделано. Было бы достаточно изменить статьи закона, позволяющие преступникам заключать мировое соглашение с семьями их жертв и таким образом избегать уголовного преследования. Признать незаконным рассмотрение подобных преступлений племенным советом. Говорят, что правительства некоторых провинций готовят проект закона, чтобы закрепить его в системе частного права. Но джирга продолжает свою деятельность, и по-прежнему тысячи женщин оказываются жертвами насилия и убийства согласно этой племенной системе.

Результатов апелляции по моему делу пришлось ждать долго. Уже прошло два года с момента вынесения первого смертного

приговора. Если законы не изменятся, если Верховный суд в Исламабаде не утвердит приговор, если восемь обвиняемых, которые уже отпущены, не будут привлечены к ответственности, как я просила при подаче апелляции, тогда почему бы не освободить всех, отправив меня в мою деревню на милость мастои? Не решаюсь об этом и подумать. Насим верит в справедливость. Она вступила в эту борьбу на моей стороне. И я знаю, что она рискует не меньше моего. Но она оптимист и верит в мою способность к сопротивлению. Она знает, что я пойду до конца, презирая опасность с фатализмом, являющимся моим щитом, с упорством, которое кому-то может показаться спокойствием, но которое живет во мне с самого начала.

Я часто говорю, что, если правосудие мужчин не накажет тех, кто сделал со мной «это», Бог рано или поздно воздаст им по делам их. Но мне хотелось бы, чтобы правосудие для меня было официальным. Перед всем миром, если надо.

Бесчестье

1 марта 2005 года я вновь предстала перед судом. На этот раз апелляционным судом в Мултане. Я была не одна: присутствовали неправительственные организации, национальная и иностранная пресса. Все ожидали этого решения. Перед многочисленными микрофонами, протянутыми в мою сторону, я заявила, что надеюсь только на правосудие, но хочу, чтобы оно было «полным».

Клан мастои по-прежнему отрицал все. А мы все знали, с какой регулярностью насильники ускользают от правосудия. Первый приговор суда был нашей победой, не считая восьми мужчин из клана, для которых я также требовала возмездия.

Я сидела и слушала, как судья читает по-английски нескончаемый текст, из которого, разумеется, не понимала ничего.

> *Согласно приговору от 31 августа 2002 года, вынесенному судом города Дера Гази Хан в отношении террористической деятельности, шестеро обвиняемых, перечисленных ниже, признаны виновными и приговариваются к следующему наказанию...*
>
> *Шесть человек приговорены к смертной казни.*
>
> *Восемь других задержанных признаны невиновными, и с них снимаются все ранее предъявленные обвинения...*

Иногда я переговаривалась с Насим. А в это время, медленно, но верно, в ритме непонятных для меня слов, совершалось судебное неправосудие.

Так прошел понедельник, за ним вторник, 2 марта. Мой адвокат выступил в свою очередь, но меня порой клонило в сон, так мне все надоело. Порой у меня появлялось чувство, что в этом большом зале все происходит помимо меня.

Если бы только я могла понять слова, которыми обменивались стороны, но мне пришлось ждать вечера, когда адвокат на моем языке изложил аргументы защиты обвиняемых. Оказалось, что мои показания «противоречивы и не подкреплены достаточным доказательством группового изнасилования». В то время как половина деревни была этому свидетелем!

«Моя жалоба не была подана немедленно после события, и достаточных оснований для задержания обнаружить не удалось».

Надо быть самому женщиной, изнасилованной четырьмя мужчинами, чтобы понять, до какой степени она раздавлена морально и физически. Немедленное самоубийство кажется всем этим людям более логичным?

«Манера, в которой изложена моя жалоба, кажется сомнительной. 30 июня 2002 года инспектор записал одну версию. Прокурор записал другую».

Разумеется, версии полицейских и моя собственная не могли быть одинаковыми.

Далее следовала целая серия опровержений, выдвинутых защитой, стремившейся показать, что ничто не доказывает ответственности обвиняемых. Было сказано, что вся эта «история» выдумана журналистом, присутствовавшим в зале, ради сенсационных заголовков в газете. Что пресса принялась муссировать дело, придав ему международную огласку, в то время как на самом деле ничего и не было!

Что я получила деньги из-за границы, что у меня счет в банке.

Я знала все эти аргументы, особенно последний. Мое желание создать школу на эти деньги, обучать девочек и даже мальчиков не имело значения для моих противников. Мне перевели комментарий, появившийся в национальной прессе, где говорилось, что у пакистанской женщины только один долг — служить своему мужу, что единственным образованием для девочки является то, чему обучит ее мать, и что, кроме религиозных текстов, ей нечего учить. Чтобы было только молчаливое подчинение.

Мало-помалу от этого суда создавалось впечатление, что я виновна в том, что не хранила молчание.

Я часто повторяла журналистам, что борюсь со всей силой моей религиозной веры, моего почтения к Корану и сунне. Такая форма племенного правосудия, которая состоит в том, чтобы терроризировать и насиловать во имя господства над всей деревней, не имеет ничего общего с Кораном. В моей стране, к сожалению, всегда правили эти варварские обычаи, которые государству никак не удается искоренить из общественного сознания. Между официальным законом Исламской Республики, слишком медленно двигающейся к настоящему равенству граждан, мужчин и женщин, и законами худуд, наказывающими преимущественно женщин, судьи балансируют в соответствии со своими убеждениями.

3 марта был вынесен вердикт. К всеобщему недоумению, вопреки решению первой инстанции — антитеррористического

суда, суд Лахора оправдал пятерых осужденных и приказал освободить их! Лишь один из них остался в тюрьме, приговоренный к пожизненному заключению. Это был страшный удар!

Тогда публика принялась громко возмущаться, никто не хотел покидать зал заседаний. Журналисты не могли усидеть на своих местах, и комментарии сыпались со всех сторон.

— ...печально для всей страны...

— ...позор перед всеми женщинами...

— ...в очередной раз над гражданским законом поглумились...

Я была раздавлена. Меня била дрожь. Что сказать? Что делать? Мой адвокат будет подавать апелляцию на это решение, но как жить тем временем? «Они» вернутся к себе домой, на ферму, в сотне метров от моего дома и моей школы. Моя семья в опасности, самой мне отныне угрожает смерть. Я хотела правосудия, хотела, чтобы они были повешены или хотя бы провели остаток жизни в тюрьме. И я не боялась говорить это. Я боролась не только за себя лично, но за всех женщин, над которыми правосудие глумилось или оставляло без внимания, требуя четверых очевидцев для признания факта изнасилования! Как будто насильники совершают свое злодеяние на публике! Все свидетельства в мою пользу отброшены и ничем не заменены, в то время как все жители деревни были в курсе события. Этот суд в некотором роде заставил вернуть клану мастои их так называемую утраченную честь! Суд укрылся за аргументами, которые слово в слово повторяли доводы защиты, и превратил меня в обвиняемую: расследование, мол, было проведено плохо, изнасилование не доказано. Возвращайся домой, Мухтар, надо было тебе молчать, могущественная каста мастои поступила правильно.

Это было вторым изнасилованием.

Я плакала от гнева и страха. Но перед лицом всеобщего возмущения, огромного числа журналистов и толпы манифестантов, спустя несколько часов судья был вынужден сделать заявление.

— Я вынес вердикт, но еще не отдал распоряжения о его применении! Подсудимые пока еще не на свободе.

Вердикт был вынесен в четверг вечером, 3 марта. Следующий день был пятница, день молитвы. Пока судья напечатает текст постановления, пока разошлет по почте копии префекту и в различные пенитенциарные учреждения, нам остается несколько дней, чтобы действовать, — так мне объяснила Насим, которая не собиралась опускать руки, равно как и активисты всех

присутствовавших организаций.

Первый шок прошел, я не собиралась мириться с этим решением. Вокруг нас женщины кричали, охваченные тем же гневом и унижением. Неправительственные и правозащитные организации немедленно были приведены в готовность. Провинция бурлила. 5 марта я организовала пресс-конференцию. Да, я хочу подавать на апелляцию. Нет, я не собираюсь уезжать. Я хочу продолжать жить в своем доме, в своем селе, здесь моя страна, эта земля — моя земля, и я обращусь к самому президенту Мушаррафу, если потребуется!

На следующий день я вернулась домой, а 7 марта поехала в Мултан, чтобы принять участие в грандиозной манифестации протеста против несправедливого приговора. В ней приняли участие три тысячи женщин, которых окружали члены организации защиты прав женщин. Я шагала среди плакатов, призывающих к правосудию и реформе тех самых законов худуд. Я шла, храня молчание, в возбужденной толпе, а в голове стучала навязчивая унизительная мысль: «Их освободят, их освободят... Но когда?»

Тем временем организаторы манифестации выступали перед микрофонами и объективами фотоаппаратов, чтобы заявить свой протест. Руководитель активистов правозащитной организации сказал:

«В вопросах, касающихся прав женщин, правительство не пошло дальше риторики. Приговор по делу доктора Шазии, вынудивший ее покинуть страну, приговор по делу Мухтар Маи, освободивший насильников, — это означает, что до достижения истинного правосудия дорога еще слишком длинная».

Основательницы AGHS[4] — организации, существующей с 1980 года и борющейся за права человека и демократическое развитие страны, — постоянно сталкиваются с самыми трудными случаями. Они высказались еще более жестко.

«Если условия жизни женщин несколько улучшились, то это отнюдь не заслуга правительства. Прогресс в этой области обязан, по большому счету, гражданскому обществу и организациям по защите прав женщин. Их активисты часто рискуют жизнью для достижения цели! На протяжении многих лет мы являемся объектом серьезной угрозы и постоянного давления. Правительство пользуется принципом прав женщин, чтобы создать прогрессивный и либеральный образ страны перед мировым сообществом. Но это иллюзия! Изнасилование доктора Шазии и исход процесса Мухтар Маи с очевидностью показывают отсутствие воли к искоренению насилия над женщинами. Президент защищает обвиняемых, оказывает влияние на

следствие. Государство потеряло доверие народа».

Директор фонда «Аурат», специализирующегося на обучении и юридической помощи женщинам, утверждал:

«Условия существования женщин ужасны и лишь ухудшаются. Дорога предстоит долгая, даже если движение за права человека значительно расширилось за последнюю четверть века. Правительство говорит нам, что доля женщин в парламенте составляет 33 %, но этим мы обязаны постоянному давлению гражданского общества. Процесс Мухтар Маи является красочным примером того, что не сделано ничего для прекращения жестокости по отношению к женщинам. Изнасилование доктора Шазии — еще один зловещий пример бесчестья нашей страны перед лицом цивилизованного мира. Это покушение на права человека. Процесс Мухтар Маи может лишь воодушевить потенциальных насильников. Недавнее отклонение проекта закона, запрещающего преступления во имя чести, означает, что нам предстоит еще долгий путь, чтобы обрести надежду добиться социального правосудия».

Камила Хайят из Пакистанской комиссии по правам человека заявила журналистам:

«Даже если насилие не уменьшается, женщины теперь стараются понять свои права в случае семейного насилия. Такие инциденты происходят все чаще: это результат бедности, отсутствия образования и других социальных негативных факторов, как, например, племенные судилища или действующие в течение нескольких лет антифеминистские законы. Как показали два этих случая, для женщины, будь она неграмотна или высокообразованна, добиться справедливости одинаково трудно».

Днем и ночью пресса, радио и телевидение активно комментировали это скандальное решение суда. Некоторые задавались вопросом: кто вмешался? Каким образом один судья смог полностью отменить обвинение в групповом изнасиловании организованной бандой, как это определил антитеррористический суд? По какому критерию?

У меня ответа не было. Этим предстояло заниматься моему адвокату.

В тот же вечер я вернулась в деревню, потому что узнала, что назавтра, 8 марта, мою школу собиралась почтить визитом Верховный комиссар Канады в Пакистане госпожа Маргарет Хубер. Все иностранные посольства были в курсе дела. Верховный комиссар собиралась приехать к полудню — я должна была достойно ее принять. Сопровождавшим ее журналистам она

заявила:

— Через свое Агентство по международному развитию Канада оплатит расширение школы для учениц, уже записавшихся и тех, кто ожидает своей очереди. Моя страна вручает этот дар в знак солидарности с огромным вкладом Мухтар Маи в борьбу за равноправие полов и права женщин в Пакистане и во всем мире. Насилие над женщинами остается одним из тяжелейших бедствий в мире. То преступление, жертвой которого стала Мухтар Маи, выявило и многое другое. Оказавшись жертвой группового изнасилования, совершенного по приказу племенного совета, Мухтар Маи не согласилась молчать. Деньги, выделенные ей в качестве возмещения, она пожертвовала на строительство школы в своей деревне. Она не прекратит своей деятельности, пока не убедится, что девочек из ее деревни никогда не постигнет подобная участь. Эта женщина воплощает настоящий дух Международного дня женщин!

Мадам Хубер пробыла у нас четыре часа. Ее присутствие придало мне сил.

Но вместе с тем это был тяжелый день для меня: я ожидала у телефона новостей от адвоката, пытавшегося получить копию судебного постановления.

В конце концов он узнал, что «виновные» должны выйти из тюрьмы, в принципе, 14 марта. В принципе, потому что активисты из неправительственных организаций и средства массовой информации заняли места перед зданием тюрьмы и полиция не могла обеспечить «виновным» эффективную охрану от журналистов и манифестантов.

Это освобождение рисковало спровоцировать вспышку недовольства, которой правительство совсем не желало. Но поскольку меня упрекали в том, что неправительственные организации и пресса оказывали мне помощь, я не собиралась отмалчиваться. Напротив. Получилось так, что моя борьба за эти годы стала также и их борьбой. Никто не заставит меня молчать. Если я останусь дома плакать и жаловаться на свою долю, я не смогу больше смотреть прямо перед собой. На мне большая ответственность: безопасность близких, моя жизнь, моя школа, в которой теперь обучалось более двухсот учеников. Бог знает, что я всегда говорила только правду. Моя смелость — это именно правда, и я хочу, чтобы она вышла, наконец, из гнусного гнезда, где прячутся мужчины со своим лицемерием.

Именно так мы с Насим взялись за организацию недельной поездки, которая стоила нам огромных усилий.

9 марта мы готовились к тому, чтобы на следующий день отправиться в Муззаффаргар, столичный город нашего района,

где организовывалась другая манифестация против насилия над женщинами. На площадь вышли около пяти тысяч манифестантов. Президент Общества защиты прав человека в Пакистане сама присутствовала на демонстрации и говорила с журналистами. На огромных транспарантах были написаны слова: «Мухтар Маи, бодрись, мы с тобой!»

При каждом перемещении нас сопровождала полиция. Порой я спрашивала себя: меня защищают или за мной надзирают? Я не могла стоять на ногах, непонятная дрожь била меня с того самого дня 3 марта, и с тех пор у меня не было времени, чтобы прийти в себя.

Манифестанты дошли со мною до самого моего дома. Дорога была загружена, во дворе было полно народу.

Организаторы марша сообщили мне, что 16 марта в Муззаффаргаре состоится еще одна манифестация, против законов худуд. Но я не знала, что со мною будет 16 марта. Мастои будут выпущены, они будут дома, свободные — они, но не я!

А еще надо было ехать в Мултан, в офис адвоката, чтобы взять копию судебного решения, которую он достал. Еще три часа дороги. Я чувствовала себя ужасно... Г олова была как чугунная, ноги дрожали, я устала от этой бесконечной борьбы. Насим была вынуждена остановить шофера и пойти за лекарствами, чтобы хоть немного привести меня в чувство.

Как только я вошла в адвокатское бюро, зазвонил мой мобильный телефон. Это был мой брат Шаккур, он истерически кричал:

— Возвращайся скорее домой, полиция велела нам не выходить! Мастои вышли из тюрьмы час назад! Они скоро приедут сюда! Везде полно полицейских. Надо возвращаться, Мухтар! Скорее!

На этот раз, кажется, я проиграла партию. Я надеялась, что юридические власти вмешаются, что у моего адвоката будет время зарегистрировать апелляцию по этому решению. Я надеялась, что, по крайней мере, они останутся в тюрьме под давлением средств массовой информации, неправительственных организаций и политиков. Я надеялась на невозможное.

Возвращаясь домой поздним вечером, я чувствовала, я догадывалась, что мы недалеко от фургона полиции, везущего моих насильников домой. Они должны быть как раз перед нами, я заметила задние фонари машин и дрожала от ярости, что они нас обогнали.

Было одиннадцать часов вечера, когда мы приехали. Дом окружала дюжина полицейских машин. Напротив, в черноте ночи,

я различала такое же оживление вокруг фермы мастои. Они там! Полиция хотела удостовериться, что эти пятеро не исчезнут, потому что процедура апелляции только начиналась. Главное же, полиция хотела избежать возмущения и блокировать журналистов или манифестантов. Въезд в деревню, он же и выезд, был под наблюдением, потому что это была единственная пригодная для автомобилей дорога.

Насим утешала меня:

— В настоящий момент они не могут двинуться с места. Давай, переключай скорость, мы уезжаем!

Мы приняли сумасшедшее решение — вернуться той же дорогой в Мултан. Адвокат посоветовал нам обратиться к президенту Мушаррафу и просить его вмешаться, прежде всего ради моей безопасности и безопасности моих близких. Но я попрошу большего. Гораздо большего. Я хочу, чтобы они все вернулись в тюрьму, чтобы Верховный суд пересмотрел дело — я хочу справедливости, даже если мне придется заплатить своей жизнью. Я больше ничего не боюсь. Возмущение — хорошее оружие, а я возмущена этой системой, обязывающей меня жить в моей собственной деревне в постоянном страхе, рядом с моими избежавшими наказания насильниками. Прошло уже то время, когда я шагала по этой дороге, покорная судьбе, чтобы просить прощения от имени моей семьи за «честь» этих людей. Это они бесчестят мою страну.

После трех часов дороги до Мултана пришлось ехать еще девять часов автобусом до Исламабада. Мы приехали в столицу на заре 17 марта, в сопровождении правозащитников и журналистов. Я попросила встречи с министром внутренних дел, чтобы он официально обещал мне следующие два пункта. Прежде всего, чтобы он гарантировал мою безопасность, и затем, чтобы людям из семьи мастои было запрещено покидать свое место жительства, потому что я подала на апелляцию. Если им удастся покинуть территорию, я никогда не выиграю дело, потому что знаю, на что они способны. Например, созвать свой клан, расставить по всей племенной зоне соглядатаев, которых никто не сможет узнать. Заплатить за услуги какому-нибудь родственнику, чтобы тот убил меня. Я предполагала любые виды мести: огонь, кислота, похищение. Пожар в доме и в школе.

И тем не менее я была спокойна; измучена, но тверда, когда министр принял нас и хотел меня ободрить.

— Мы предупредили уже полицию на границах, они не смогут бежать. Поймите, что невозможно приступить столь же легко к судебному разбирательству в Лахоре.

— Но необходимо же что-то делать. Моя жизнь в опасности!

— Существует специальная процедура: я как министр внутренних дел могу снова выдать ордер на их арест, считая, что эти люди посягают на общественный порядок. Это единственный способ вернуть их на какое-то время в тюрьму. Но я могу воспользоваться этим правом, начиная с даты и даже с часа их освобождения. И у государства есть семьдесят два часа, чтобы реагировать, начиная с этого момента. Таков регламент.

Семьдесят два часа. Трое суток... Они вернулись к себе 15 марта вечером, сегодня утро 18 марта. Сколько часов осталось?

— Я не знаю ни законов, господин министр, ни регламентов, но сейчас не до регламентов и законов, они на свободе, и я в смертельной опасности! Надо что-то делать!

— Я займусь этим! Премьер-министр уже предупрежден, он примет вас завтра.

Мы путешествовали трое суток, и я спала от силы два-три часа, но я дала пресс-конференцию по выходе из кабинета министра внутренних дел. Мы с Насим больше не различали дня и ночи, не помнили, когда ели в последний раз.

На следующий день в 11 часов утра мы уже были в кабинете премьер-министра. Мы считали и пересчитывали, и если наши подсчеты правильные, то семьдесят два часа истекли в 10 утра.

Премьер-министр тоже хотел вселить в нас оптимизм.

— Сделано все необходимое. Я уверен, что их арестовали до истечения семидесяти двух часов. Доверьтесь мне!

— Нет. Мне нужен от вас точный ответ. Либо я получаю доказательство, что они в тюрьме, либо я не сделаю ни шагу из вашего кабинета.

Насим перевела на урду с той же решительной интонацией, с которой сказала и я.

Если бы кто-нибудь сказал мне, что я буду говорить в таком тоне с премьер-министром! Я, Мухтаран Биби из Мирвалы, забитая и немногословная крестьянка, ставшая Маи, «большой уважаемой сестрой», — я здорово изменилась! Вот я сижу в удобном кресле напротив министра — исполненная почтения, но упрямая, — и разве что армия сдвинет меня с места, прежде чем я обрету полную уверенность, что негодяев заключили в тюрьму, прежде чем мне назовут точный час, когда это произошло. *Если* они в тюрьме! Потому что с 3 марта я больше никому не доверяю.

Премьер-министр снял трубку телефона и позвонил префекту Муззаффаргара, в пятистах километрах от столицы. Я внимательно слушала, а Насим переводила по мере разговора:

— Он говорит, что приказ уже отдан. Полиция получила новый ордер на арест, наряд полиции поехал за ними в деревню. В десять часов им надели наручники, и префект ждет их. Их без

задержки повезут прямо к нему.

— Это точно? Но префект их еще не видел! Они еще в пути!

— Он дал слово, Мухтар. Их уже везут в тюрьму. Четверо, которых отпустили, и восемь других, которые не были посажены раньше.

Выйдя из кабинета премьер-министра, я намеревалась навести собственные справки и позвонила префекту. Но его не было в кабинете. Мне сказали, что он выехал в соседний район — они все сейчас заняты, потому что президент совершает поездку по региону. Во всяком случае, этот визит меня не касался...

Тогда я попыталась позвонить домой Шаккуру, но связи не было. Сезон дождей был в разгаре, и было невозможно дозвониться до брата. В конце концов я дозвонилась до родственника, державшего магазин.

— Да, да! Сегодня днем мы видели полицию, они приехали как раз после пятничной молитвы, арестовали всех четверых и даже восемь других. Их уже повезли в район. Как же они были взбешены! Вся деревня видела.

В это я поверила! На этот раз именно я заставила их арестовать.

Я не знала законов и регламентов, и Насим объяснила мне, что должно произойти потом.

— Они находятся в тюрьме по специальному решению, но только на срок до девяноста дней. Это решение официально принято правительством Пенджаба. Губернатор может арестовать кого угодно по простому приказу, с момента возникновения угрозы общественному порядку. За этот срок у суда будет время рассмотреть твою апелляцию.

Мы вернулись домой 20 марта, и угрозы возобновились. Родственники мастои повсюду говорили, что это из-за нас полиция снова арестовала их. Обещали, что в свою очередь что-нибудь сделают против нас. Сейчас они сильно взъелись на Насим: по их мнению, без нее я ничего не могла бы сделать. И это было правдой. Мы с ней дружили, я рассказывала ей обо всем, и она мне говорила все; мы переживали с ней одно и то же, мы испытывали одинаковые чувства страха, негодования, радости. Мы вместе плакали, вместе противостояли трудностям. Страх всегда подстерегал нас, но мы бодрились. Журналисты спрашивали меня во время пресс-конференции 16 марта, хочу ли я покинуть Пакистан и просить убежища в другой стране. Я ответила, что никогда не имела подобного намерения, что надеюсь добиться справедливости от моей страны. Я подчеркнула также, что моя школа работает, в ней двести девочек и сто

пятьдесят мальчиков.

Это последнее утверждение было действительным на дату 16 марта; но с 20 марта все изменилось. Настроение людей мастои, которым грозило снова потерять своего главаря, его братьев и друзей, распространилось далеко и чувствовалось во всей округе. Но полиция создала вокруг меня заслон, иногда, правда, препятствующий моей свободе передвижения. Однако я уже к этому привыкла.

11 июня я узнала, что во имя моей безопасности мне запрещается путешествовать. Международная амнистия пригласила меня в Канаду и Соединенные Штаты, и, когда я приехала в Исламабад для выполнения необходимых формальностей, мне сказали, что я не могу получить визу, потому что значусь в списке лиц, которым запрещено покидать территорию страны. Как только я вышла из офиса администрации, у меня забрали паспорт. Этот запрет на выезд породил новое смятение в рядах защитников прав человека и международных журналистов.

Мой адвокат не мог какое-то время связаться со мной. Он был возмущен и заявил журналистам, что меня держат в заложниках где-то в Исламабаде и что ему в качестве моего адвоката совершенно необходимо говорить со мной. Власти ответили, что меня вынужденно держат взаперти во имя моей собственной безопасности.

Похоже, сам президент считал, что не следует «подавать иностранцам негативный образ страны».

В ходе дебатов в Ассамблее одна женщина-сенатор даже заявила, что я стала «западной женщиной», что я должна «демонстрировать большую скромность и скрытность, не ездить за пределы страны и ждать Божьей справедливости». Некоторые экстремисты хотели бы, чтобы мне заткнули рот силой, потому что, по их мнению, я не уважала закон Исламской Республики Пакистан. Отдельные политики-мужчины открыто упрекали неправительственные организации в том, что они апеллировали к международному лобби. Короче говоря, у меня «был резон», как они выражались, не распространять свою историю по всему миру, а урегулировать ее на месте.

Однако слишком много людей поддерживали меня в стране и за рубежом.

Но путь был долог, так долог. Вплоть до 15 июня, когда я узнала, что по распоряжению премьер-министра мое имя вычеркнуто из списка «невыездных».

28 июня настроение улучшилось. Верховный суд в

Исламабаде после двухдневных заседаний принял наконец решение о повторном расследовании. Мой адвокат, попросивший меня из осторожности не говорить более с журналистами с момента запрета выезда из страны, тоже был доволен.

— Теперь можете сказать им все что пожелаете! Я ничего вам не запрещаю!

Он заявил журналистам, что оказанная мне прессой поддержка могла мне даже в какой-то степени навредить, пока Верховным судом, беспристрастность которого находится вне подозрения, не было принято решение пересмотреть дело. Когда я выходила с последнего заседания, вопросы сыпались со всех сторон. Я обнимала женщин, помогавших мне до сих пор, эмоции переполняли меня через край.

— Я очень счастлива, по-настоящему удовлетворена. Надеюсь, что те, кто оскорбил меня, понесут наказание. Я буду ждать вердикта Верховного суда, именно он творит правосудие на этом свете.

Божий суд настанет в свое время.

Мой адвокат подтвердил журналистам, что восемь человек, выпущенных ранее, находятся сейчас в тюрьме, включая членов деревенского совета, заранее замысливших изнасилование.

— Это дело не о банальном изнасиловании, но о настоящем террористическом акте. Он был совершен, чтобы насадить террор среди жителей деревни. Решение заставить этих людей предстать перед судом новой инстанции, самой высшей в стране, чтобы вновь рассмотреть все доказательства, является очень правильным.

Мне стало легче. Я могла вновь вернуться в свою деревню, обнять родителей, увидеть снова родственников, детей в школе. Полицейский надзор осуществлялся еще какое-то время — особенно в тех случаях, когда я соглашалась дать интервью иностранным журналистам. Затем давление стало ослабевать, и в конце концов у моих дверей остался всего один вооруженный полицейский. Но как только какой-нибудь иностранный журналист выражал желание повидаться со мной, моя «охрана» была тут как тут.

Было еще несколько выступлений со стороны местной прессы, и не всегда безобидных. Одна из наиболее странных нападок была комментарием к моей просьбе о выдаче визы, чтобы выехать за границу, и на это было изведено немало чернил. Меня по-прежнему приглашали в Канаду и Соединенные Штаты. Но я заявила, что пока откладываю свою поездку, до тех пор пока не успокоятся злые языки. В действительности же мне было отказано

в визе. Я не должна была распространять за границей негативный образ Пакистана. К тому же в «высоких сферах», как говорила Насим, полагали, что достаточно оказаться жертвой изнасилования, чтобы стать миллионершей и получить визу. Как будто пакистанские женщины торопились изо всех сил к этой «формальности», чтобы убежать за границу! Я сожалею об этих недостойных намеках.

Национальная и международная пресса поднялась против подобных заявлений. Впрочем, возможно, что пресловутое заявление было неправильно истолковано журналистами и на самом деле не это имелось в виду. Я надеюсь.

Я боролась за себя и за всех женщин в моей стране, ставших жертвами насилия. У меня никогда и в мыслях не было покинуть свою деревню, дом, семью, мою школу. Равно как я никогда не имела намерения представить негативный образ моей страны за рубежом. Скорее наоборот, защищая свои права человека, борясь против принципа племенного правосудия, противостоящего официальному закону нашей исламской республики, я была убеждена, что поддерживаю политические чаяния моей страны. Ни один пакистанец, достойный этого имени, не должен поощрять деревенский совет к наказанию женщины для разрешения конфликта чести.

Вопреки собственной воле, я стала символом, эмблемой для всех женщин, испытывающих насилие со стороны старейшин рода и предводителей племен, и если этот символ пересек границы, он должен послужить и моей стране. И именно в этом честь моей родины — позволить женщине, образованной или неграмотной, заявить во весь голос о допущенной по отношению к ней несправедливости.

Потому что настоящий вопрос, который должна задать себе моя страна, очень прост: если женщина является честью мужчины, почему он хочет насиловать и убивать эту честь?

Слезы Каузар

Не проходило дня, чтобы мы с Насим не встречались с женщинами, находившимися в шоковом состоянии и искавшими помощи. Однажды я ответила на вопрос одной пакистанской журналистки, спросившей, каково мне живется с моей известностью в собственной стране:

— Некоторые женщины признавались мне, что если их били мужья, они без колебаний могли пригрозить: «Полегче, не то пойду жаловаться Мухтар Маи!»

Разумеется, это была всего лишь шутка. Но в действительности мы постоянно сталкивались с трагедиями.

В тот октябрьский день, когда Насим помогала мне закончить мое повествование, наше занятие прервал приход двух женщин.

Они прошли пешком много километров, чтобы увидеться со мной. Мать в сопровождении дочери, молодой замужней женщины двадцати лет по имени Каузар. На руках у Каузар был ее первенец, девочка примерно двух с половиной лет, и вскоре она должна была родить второго ребенка. Из ее испуганных глаз катились нескончаемые слезы. У нее было миловидное, но измученное лицо. То, что она нам рассказала, было ужасным, но, к сожалению, довольно распространенным.

— Мой муж поругался с соседом. Этот человек слишком часто заходил к нам, то поесть, то переночевать, и муж дал ему понять, что мы не можем постоянно принимать его так. Однажды, когда я готовила шапати, в доме вдруг появились четверо мужчин. Один из них приставил пистолет к голове моего мужа, другой уперся пистолетом мне в грудь, а двое других замотали мне голову тряпкой, и я ничего не видела. Я слышала крики мужа, пока меня волокли по земле, и боялась за ребенка, которого носила в животе. Меня посадили в машину и долго куда-то везли. Я поняла, что меня отвезли в город, потому что слышала вокруг шум многочисленных машин. Они заперли меня в каком-то помещении и на протяжении двух месяцев каждый день приходили меня насиловать. Убежать я не могла. Комната была маленькая, в ней не было окон, и за дверью всегда было несколько человек. Я находилась в заточении в этой комнате с апреля по июнь. Я думала о муже и ребенке, я боялась, что с ними случилось самое плохое. Я сходила с ума. Хотела покончить с собой, но в комнате ничего не было — мне давали есть и пить в миске, как собаке. Они пользовались мною по очереди.

И потом, однажды, они снова посадили меня в машину,

обвязав голову тряпкой. Мы долго ехали, выехали за город, потом меня высадили прямо на дороге. Машина очень быстро скрылась, меня оставили совсем одну. Я даже не знала, где нахожусь.

Я долго шла, прежде чем наконец найти свою деревню, это в районе Мухаммадпур, и я поняла, что город, куда меня отвезли силой, был Карачи, далеко на юге. Когда я вернулась, мой муж был жив, отец с матерью заботились о моей маленькой дочери, и они подали жалобу в полицию района. Я тоже пошла в полицию, чтобы заявить о том, что со мною делали. Я описала насильников. Мой муж знал, что это сосед, ставший его врагом, выместил на мне злобу, и я могла опознать этих четверых мужчин. Полиция меня выслушала, и офицер дал подписать протокол с помощью отпечатка пальца. Поскольку я не умею ни читать, ни писать, он сказал, что сделает все за меня.

Но когда меня вызвал судья и я рассказала все, что со мной произошло, он заявил:

— Но ты говоришь совсем не то, что написано в протоколе полиции. Ты меня обманываешь?

Он вызывал меня двенадцать раз, и каждый раз я повторяла, что не знала, что полицейский написал в протоколе, но что я ему рассказывала правду. Судья вызвал этих мужчин для допроса. Они ответили, что я все вру. Они пришли пригрозить моим родителям, утверждая, что невиновны и что надо сказать об этом судье. Но мой отец не захотел, и тогда они избили его и сломали ему нос.

В конечном итоге судья заключил в тюрьму только одного, а трех других отпустил. Мы очень их боимся. Не знаю, почему посадили только одного. Он не был единственным, кто меня насиловал. Эти люди покалечили мне жизнь, сломали жизнь моей семьи. Я была на втором месяце беременности, когда меня похитили, и мой муж прекрасно об этом знал, но в деревне обо мне теперь болтают всякое. А эти мерзавцы на свободе. Они из клана балуч. Они более могущественные и презирают мою семью, хотя мы никому не причинили зла. Мой муж является моим двоюродным братом, нас поженили еще в детстве, это очень честный человек. Когда он принес в первый раз заявление в полицию, его никто не хотел слушать».

Каузар все время плакала. Я дала ей попить воды, покормила ее, но ей было очень плохо. В ее взгляде было столько страдания. Лицо ее матери выражало мучительную покорность... Насим стала разъяснять им закон и говорить, в какую организацию обратиться, чтобы нанять адвоката. Мы дали им немного денег, чтобы они могли добраться до дома, но я знала, что путь ей предстоит, так же как и мне, очень долгий. Если ей достанет

смелости обратиться к правосудию, ее семье будет постоянно угрожать опасность, да и ей самой тоже, пока она не победит в этой схватке. Если удастся победить... У них нет никакой возможности уехать — их дом, вся их жизнь в этой деревне. У нее родится ребенок, но эта трагедия будет сопровождать ее всю жизнь. Она никогда не забудет о случившемся, так же как и я не забуду никогда о своей трагедии.

Закон предписывает полиции зарегистрировать протокол предварительного расследования. Но каждый раз происходит одно и то же. Женщине говорят: «Приложи сюда палец, мы потом сами все напишем за тебя». Но когда протокол попадает к судье, оказывается, что обвиняемые не виноваты, а женщина солгала!

Некий мужчина решает наказать другого из-за банальной ссоры. Он организует похищение под угрозой оружия, с групповым изнасилованием, молодой женщины, матери семейства, беременной, ни в чем не повинной. Он уверен в своей безнаказанности с самого начала, и даже если отправится в тюрьму, то не задержится там. Рано или поздно в результате процедуры апелляции он будет освобожден ввиду «недостаточности доказательств». И возможно, будут говорить, что эта бедная женщина — проститутка, что она сама согласилась! Ее репутация, ее честь, равно как и честь ее семьи, будут опорочены. А в самом худшем случае она сама может приговорить себя за внебрачную связь и проституцию, в соответствии с законами худуд (усиление закона *зина,* так называемое усиление худуд). Чтобы избежать этого чудовищного приговора, надо, чтобы обвиняемые сами признались перед судьей в своих «грехах». Либо чтобы потерпевшая представила пресловутых четверых достойных доверия очевидцев «греха».

Защищенные этой системой, преступники творят что хотят.

Меня ожидала еще одна женщина, ее лицо было наполовину скрыто под изношенной вуалью. Без возраста, замученная домашним трудом. Она говорила с трудом. Только показала свое лицо, стыдливо, украдкой. И я все поняла: половина лица была выжжена кислотой. Теперь она даже не могла плакать. Кто это сделал? Муж. Почему? Он бил ее, потому что она не была достаточно проворна, когда прислуживала ему. А сейчас, когда он изуродовал ее на всю жизнь, она стала ему не нужна.

Но что мы могли для нее сделать? Только немного утешить и дать небольшую сумму денег, чтобы она могла вернуться к родителям и уйти от мужа, если сумеет.

Иногда грандиозность задачи переполняла меня. Иногда душила ярость. Но я никогда не впадала в отчаяние. Моя жизнь имела смысл. Мое несчастье послужило на пользу обществу.

Обучать девочек было довольно легко. Что же касалось мальчиков, родившихся в этом мире грубых и жестоких мужчин и видевших старших, привычных действовать насилием и жестокостью, то их обучение представлялось более трудной задачей. Справедливость по отношению к женщине должна воспитываться на протяжении поколений, потому что страдания и слезы пока не учат их ничему.

Я также ждала справедливости от Верховного суда. Я надеялась на этот земной суд, как надеюсь на Бога на Страшном суде. Потому что, если справедливость не вернется ко мне, если мне предстоит остаться в деревне и вести нескончаемую войну и даже, вероятно, заплатить за нее жизнью, когда-нибудь виновные понесут наказание.

Закончился этот октябрьский день, наполненный нищетой и страданиями. Но заря следующего дня принесла еще большие страдания. По всему северу страны прошла волна землетрясений. Тысячи погибших, раненых, оставшихся без крова, голодные дети, бродившие среди руин того, что было их жизнью. Моя провинция Пенджаб избежала катастрофы, и я молилась за всех этих несчастных, за всех детей, погибших в обрушившихся школах.

Но молиться за них было недостаточно, Пакистану нужна была международная помощь. На этот раз я получила разрешение выехать за границу вместе с доктором Аминой Буттар, президентом Азиатско-Американского общества против насилия над женщинами. Один из журналов присудил мне премию «Женщина года». Я была очень польщена, но не это было главной целью моей поездки.

Я хотела воспользоваться этой возможностью, чтобы не только защищать дело женщин, но также, в это тяжелое время, говорить о судьбе пострадавших. Мое сердце обливалось кровью, особенно за тех женщин и детей, которые потеряли все, за выживших в катастрофе, кто нуждался в помощи, чтобы преодолеть последствия трагедии.

Поэтому я полетела самолетом в Нью-Йорк, затем выступила перед американским Конгрессом в Вашингтоне, обращаясь за помощью по этим двум причинам, и попросила дополнительную помощь в размере пятидесяти миллионов долларов для жертв землетрясения, самого разрушительного для страны за многие

годы.

Международная помощь поступала медленно. К сожалению, сложившийся образ моей страны не способствует щедрости иностранных государств. Как обычно, за мной следовали журналисты, и некоторые из них спрашивали о возможности моего проживания за рубежом. Когда я путешествую, я отвечаю так:

— Моя поездка за границу краткосрочная, я вернусь в свою страну, в свою родную деревню, как можно скорее.

Я была избрана «женщиной года» американским журналом, который увенчивает этим титулом знаменитых людей, и я была очень счастлива, меня тронуло это признание. Но я родилась пакистанской женщиной, ею и останусь. Я путешествую в качестве правозащитника и хочу внести свой посильный вклад в устранение той беды, которая постигла мою страну.

Если своей необычной судьбой я могу помочь моей стране и ее правительству, это большая честь. Да хранит Бог мою миссию.

Мухтар Маи,
ноябрь 2005 г.

Выражаю огромную благодарность:

Моей подруге Насим Ахтар за верность и поддержку.

Мустафе Балошу и Саиф Хану, которые согласились быть моими переводчиками при написании этой книги.

ACDI — Канадскому агентству международного развития[5].

Организации «Международная амнистия».

Доктору Амине Буттар, президенту ANAA[6].

Всем организациям по защите прав женщин Пакистана, активисткам борьбы против насилия над женщинами во всем мире, которые были рядом со мной.

Всем дарителям, частным и официальным, позволившим осуществить строительство и расширение школы Мухтар Маи.

И наконец, я особенно благодарю моих маленьких учеников, мальчиков и девочек, чье прилежание в школе дает мне надежду увидеть, как в моей родной деревне прорастут зерна юного поколения, более образованного, свободного и несущего новый дух отношений между мужчинами и женщинами.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44
М97

Перевод с французского П. Л. Михайлова

Маи, М.

М97 Обесчещенная / М. Маи; [пер. с фр. П. А. Михайлова]. — М. : РИПОЛ классик, 2011. — 176 с. — (Документ).

ISBN 978-5-386-03086-5

Ей было 30 лет, когда группа подонков-односельчан из враждебного клана изнасиловала ее на глазах у толпы из 200 человек. И никто не посмел сказать слова поперек, потому что изуверы таким образом якобы вершили «праведный» суд в строгом соответствии с традициями пакистанской общины.

После такого унижения женщина, по обычаю, обязана покончить с собой, чтобы избежать позора. Но у Мухтар Маи хватило силы воли и мужества, чтобы пойти наперекор замшелым правилам и традициям. Она не покончила с собой, а начала нелегкую борьбу за справедливость.

Правдивая история Мухтар Маи легла в основу этой откровенной и страстной исповеди. Ее книга вышла в свет на 27 языках мира. А популярный женский журнал Glamour на своей шестнадцатой церемонии, награждая женщин года, вручил Мухтар премию в номинации «Самая смелая женщина».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-386-03086-5

© Oh! Editions, France, 2006. All rights reserved.
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2011

Литературно-художественное издание
Документ

Маи Мухтар
Обесчещенная

Генеральный директор издательства С. *М. Макаренков*
Ведущий редактор *М. С. Давыдова*
Контрольный редактор *Л. А. Мухина*
Фотография на обложке: *Getty Images / Photobank*
Художественное оформление: *Е. Л. Амитон*
Компьютерная верстка: *К. И. Бобрусъ*
Корректор *О. В. Круподер*

Изготовление макета: ООО *«Прогресс РК»*
Подписано в печать 24.01.2011 г.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Paladium».
Печ. л. 11,0. Тираж 5000 экз.
Заказ №1711.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик» 109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Ее зовут Мухтар Маи. И она — самая обычная женщина из бедной пакистанской деревни. На первый взгляд ее история повторяет судьбы тысяч других мусульманских женщин, которые и сегодня, в XXI веке, страдают от средневековых законов и лицемерной морали.

Ей было 30 лет, когда группа подонков-односельчан из враждебного клана изнасиловала ее на глазах у толпы из 200 человек. И никто не посмел сказать слова поперек, потому что изуверы таким образом якобы вершили «праведный» суд в строгом соответствии с традициями пакистанской общины.

После такого унижения женщина, по обычаю, обязана покончить с собой, чтобы избежать позора. Но у Мухтар Маи хватило силы воли и мужества, чтобы пойти наперекор замшелым правилам и традициям. Она не покончила с собой, а начала нелегкую борьбу за справедливость. И вскоре дошла до президента страны, который сурово наказал обидчиков. В итоге четверых насильников и еще двоих причастных к преступлению мужчин из враждебного клана антитеррористический суд Пакистана приговорил к смертной казни.

Правдивая история Мухтар Маи легла в основу этой откровенной и страстной исповеди. Ее книга вышла в свет на 27 языках мира. А популярный женский журнал Glamour на своей шестнадцатой церемонии, награждая женщин года, вручил Мухтар премию в номинации «Самая смелая женщина».

notes

Примечания

1

Джирга — деревенский суд, наделенный полномочием разбирать споры помимо официального судопроизводства.

2

Сексуальные отношения без согласия (закон худуд).

3

CIDA — Canadian International Development Agency — Канадское агентство международного развития.

4

AGHS — первая в Пакистане юридическая фирма по делам женщин *(примеч. ред.)*.

5

ACDI — Agence canadienne de développement international — то же самое, что и CIDA[3], только по-французски. *(прим. сканировщика)*

6

ANAA — Asian American Network Against Abuse of Women Right — Азиатско-Американское общество против насилия над женщинами.